

АТТРИБУТЫ ШАМАНОВ У ТУРЕЦКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ¹

Атрибуты шамана, будет ли то бубен, трещотка, натянутая воловьша шкура, ударяемая палкой [Харузин 1905: 414 (у амаксосов)], деревянный ящик или цилиндр, обтянутый кожей [Ратнер-Штернберг 1927: 88, 108], металлический таз с медными привесками [Иславин 1847: 112–113; Журавский 1909: 10]¹ или металлический круг, издающий скрип при царапании костью об его поверхность [Харузин 1905: 414 (у дакотов)], имеют первой и непосредственной своей целью произвести возбуждающее действие как на самого шамана, так и на присутствующих [Кон 1899: 81; Виташевский 1914: 58; Серошевский 1896: 641; Васильев (б) 1910: 45; Лессепс 1801: 136; Кларк 1864: 139; Грум-Гржимайло 1926: 14; Ядринцев 1882: 39; Майнагашев: МАЭ, опись колл. № 2164-1; Записки студента ЛГУ Серебряковаⁱⁱ]².

¹ «У них же в крайнем случае довольствуются при камлании и ружейным стволом и вообще всем тем, что издает металлический звук» [Иславин 1847: 113]. «Заменяет бубен и простая сковородка» [Журавский 1909: 10].

² «Монотонный однообразный звук бубна, несомненно, приводит в гипнотическое состояние самого шамана, а отчасти и присутствующих» [Кон 1899: 81]. «Но сильнее всего шаманы возбуждают себя ударами в бубен и пением» [Виташевский 1914: 58]. «Якутский шаман бил в бубен, чтобы тем перевести в страх присутствующих» [Лессепс 1801: 136]. «Звуки бубна наводят безотчетный ужас на присутствующих» [Кларк 1864: 139]. «Шаман под звуки бубна очень скоро приходит в возбужденное состояние (сойоты)» [Грум-Гржимайло 1926: 142]. «Бубен у алтайцев звучит возбуждающим образом, электризует и экзальтирует шамана» [Ядринцев 1882: 39]. «Кольца на бубне производят шум, и шаману легче камлать» (бельтиры) [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-1]. «Качинскому шаману при звоне и шуме подвесок веселее ехать к духам» [записки студ. ЛГУ Серебрякова].

Рис. 1. Камлание шамана. Буряты, начало XIX в. (МАЭ, колл. 2474-5)

Звуки, ритм, такт приводят шамана в необходимый для его служения экстаз, что и является общей и конечной целью (л. 1) этих действий (рис. 1). Атрибуты шамана наряду с его одеждой составляют одну из сторон обрядности, которая является отличительной, характерной чертой шаманства в настоящей его развитой форме. Но, несомненно, нельзя считать атрибуты шамана, в том числе и бубен, исконными и первичными в шаманстве, так как шаман в той стадии развития шаманства, когда его экстаз был произвольным и внезапным, а служение его не носило профессионального характера, вполне естественно не нуждался в возбуждающих средствах, а также и в атрибутах, которые только впоследствии стали составной слагающей шаманской обрядности.

В представлении самого шамана значение и цель этих атрибутов соответственно пониманию значения акта камлания и служения шамана вообще двоякая. Если камлание есть акт шаманского служения, в котором шаман при помощи расположенных к нему духов-помощников обычно ведет борьбу со злыми духами, которые нападают на него или на которых нападает он сам, то и звуки, шум бубна, трещоток и т.д. служат для обще-

ния с духами, с одной стороны, отогнания, устрашения враждебных духов — с другой.

Духи, по воззрениям турецко-монгольских племен, любят слушать игру на музыкальных инструментах. Так, даже хозяева гор и леса за игру на кобысе посылают охотникам зверя³. Духи — помощники шамана ценят ритм и мелодичность удара в бубен и гnevаются на шамана за неверные удары. Подвески, колокольцы и другие металлические побрякушки на бубне служат для «веселения шайтана» [Суховский 1901: 148; ЕЕВ 1902]. Сами верховные духи, по мнению шаманов этих племен, просыпаются от ударов в бубен (л. 2) и откликаются на просьбы людей [Павловский 1907: 215]⁴.

Ударами в бубен шаман призывает своих духов [Петри 1923: 412; Троицкая 1925: 149ⁱⁱⁱ]⁵. Они приходят к нему, собираются в бубен, отчего последний будто бы заметно тяжелеет⁶. Призывая духов, шаман подставляет бубен, принимая в него каждого вновь прибывшего духа [Вербицкий 1870: 67]. Ударами и легким встряхиванием и поднятием бубна шаман отмечает приход и уход духов [Соловьев 1876: 412, 413; Васильев, Пекарский 1910: 114]⁷. Насколько звуки бубна предназначены для общения с духами, видно из того, что, например, сагайский шаман, переставая говорить с духами и обращаясь к присутствующим, откидывает бубен на плечо, а якутский шаман, предсказывая присутствующим, отставляет бубен в сторону [Васильев, Пекарский 1910: 114].

В звуках бубна, в бряцании металлических частей усматривают голоса духов, доказательства их присутствия. Вот почему монгольский шаман, пытаясь услышать голоса духов, нагибается к отверстию бубна, задавая вопросы [Владимирцов 1927: 27], а алтайский шаман, прислушиваясь к бряцанию (л. 3) металлических подвесок на ободке бубна, узнает через них волю духов [Анохин 1924: 54; Георги 1799: 114]⁸.

Но звуки бубна, как и звуки трещеток, колокольцев и металлических подвесок, одновременно отпугивают и устрашают злых, враждебных духов

³ Турецкие племена Алтайско-Саянского нагорья, отправляясь на охоту, стараются взять с собою сказочника, чтобы последний по вечерам под аккомпанемент кобысы рассказывал сказки — для развлечения хозяина леса. Часто такому сказочнику-музыканту артель дает единственно за его музыку и сказки особый пай из общей добычи.

⁴ Аналогичное отмечено у вогулов: «По словам их шаманов, бубен употребляется для того, чтобы разбудить Бога» [Павловский 1907: 215].

⁵ «Бубен и колокол служат шаману для призывания родоначалия и духов» [Петри 1923: 412]; «(женщины-шаманки) оседлого населения Туркестана ударами бубна призывают свое войско духов» [Троицкая 1925: 149].

⁶ Алтайцы, сагайцы и шорцы.

⁷ Сагайцы, якуты.

⁸ По выражению Георги, шаманы разговаривают с богами посредством бубна [Георги 1799: 114].

[Георги 1799: 101]. Атрибуты шамана служат, таким образом, по воззрениям этих племен, как средством нападения, так и орудием защиты, причем некоторые атрибуты, как, например, мечи, кнуты, стрелы, лук, по своему назначению получают уже более определенно выраженный боевой характер. Такое же назначение имеют некоторые металлические подвески на тетиве и ободу бубна, часть которых имеет вид стрел или маленьких мечей [Островских 1898: 429]. В бубен шаман загоняет и собирает злых духов, причиняющих болезни человеку, чтобы унести их прочь. Вот почему при камлании над больным шаман обводит вокруг него бубном [Майнагашев 1915: 286]. В бубен же загоняется шаманом и душа умершего, которую нужно выпроводить из мира живых. В него же помещает шаман иногда украденную душу больного при возвращении ее от злых духов.

Атрибуты шамана, по преимуществу бубен и трости, помимо только что приведенных разнообразных назначений их, осмысляются как средства передвижения шамана [Шашков 1864: 86]⁹, чаще всего как ездовые животные его. В наиболее позднем осмыслении они считаются конями шамана и увязываются с ролью лошади как в экономике, так и культе этих племен. (л. 4)

Наконец, создается представление о бубне какместилище космических представлений шамана. Последние выявляются особенно в разрисовке бубна в группе алтайско-минусинских турок.

Вопрос об атрибутах шамана, в частности о бубне, весьма сложный. В бубне концентрируются представления шамана о мире, о своих путешествиях, о духах. К бубну постепенно наслаиваются различные религиозные воззрения шамана, связанные с его служением. На структуре бубна сходятся особенности его как музыкального инструмента, так и как предмета культа, совмещается то и другое его значение, или одно значение уступает место другому. Особенно сложно для решения вопроса то, что как поминание значения бубна, так и осмысление отдельных его частей забывается, утеривается шаманами или создаются новые, поздние объяснения этих значений. К разряду последних можно отнести, например, объяснение отличий бубна шаманского, односторонне обтянутого кожей, от двухстороннего ламайского^{iv} [Подгорбунский 1923: 23], получения крестовины якутского бубна от Бога и т.д. [Попов 2006: 64]^v.

В число атрибутов шамана турецко-монгольских племен входят бубен, колотушка, трещотка, трости. Причем из всех этих атрибутов наиболее существенной и важной принадлежностью шаманского ритуала является, несомненно, бубен, за исключением бурят, у которых, по крайней мере, в настоящее время явно преобладают шаманские трости,

⁹ «Кроме силы вызывать духов, бубен имеет волшебную силу носить шамана по высотам небесным и всему пространству ада преисподнею» [Шашков 1864: 86].

и у киргизов и казаков, где кобыс заменил окончательно бубен. Причиной, вызвавшей отсутствие бубнов в настоящее время у значительного числа шаманов в группе рассматриваемых нами племен, послужило до некоторой степени насильственное уничтожение и отнятие бубнов, наряду с другими предметами культа, практиковавшееся в Сибири [Ирэсов 1913]. (л. 5)

Но, несомненно, более глубокой причиной существования шаманов без бубна «является необязательность бубна» при многих камланиях и возможность заменять бубен другими атрибутами. Последнее указывает на то, что бубен в шаманстве не является ни обязательным, ни исконным. Это подтверждается свидетельством некоторых исследователей о том, что в более отдаленный период шаманы, например, каргинцев [Островских 1895: 344; Грум-Гржимайло 1926: 142] и белые шаманы якутов совершали служение духам, не имея бубнов [Горохов 1884: 57].

Но, не являясь первичным и необходимым, бубен может считаться появившимся в шаманском ритуале несравненно раньше облачения шамана и более устойчивым по сравнению с последним, что особенно сказывается как в однообразии терминов для бубна в турецко-монгольском шаманстве, так и в большей устойчивости его форм и отдельных его деталей.

Датировать время появления бубна в шаманском ритуале по археологическим данным не представляет возможности ввиду того, что части бубна деревянные, лишь позже постепенно заменявшиеся железом, не могли сохраниться в погребениях.

Изображение бубна на археологических находках пытался усматривать Подгорбунский, причем он подчеркивал сходство этих изображений с бубнами алтайско-саянских племен [Подгорбунский 1916: 18, 34, 27, 30]¹⁰. Рассматривали как начертание бубнов и рисунки в виде кругов с поперечными линиями на писаницах р. Енисея [Попов 1872: 274¹¹; Савенков 1910]. Однако все эти свидетельства могут быть рассматриваемы (л. б) лишь как предположения, нуждающиеся, несомненно, в тщательной проверке. Согласно историческим данным, бубен известен в религиозной практике западных тукю в VI в.¹²

Из русских источников наиболее ранние упоминания о бубне мы имеем в рукописях XVII в. В опросном листе рукописи, написанной для Тати-

¹⁰ Изображение шаманского бубна на кости, найденного в корсукской шаманке <...> Корсук Ординской волости Иркутской губ., которую автор пытается отнести к концу <...>. Шаманский бубен, изображенный на кости, имеет, по мнению автора, больше всего сходства с алтайско-саянским типом бубна (имеющий перекладыны в виде прямого креста) [Подгорбунский 1916: 18, 34, 27, 30].

¹¹ На писаницах утеса р. Берст. На правой стороне Енисея вверх от Красноярска.

¹² Сведения о существовании бубна у хакасов имеются в китайских летописях [Radloff 1884; Живописная Россия 1884: 7] (как музыкальный инструмент).

щева, на вопрос о лечении болезни дан следующий ответ: «При лечении болезни шаман бьет в бубен» (у турецких племен Кузнецкого округа)¹³. В Казачьих отписках 1618 г. шаман кузнецких и чулымских татар назван «бивший в бубен» [Козьмин 1925: 55, 72]¹⁴. Из только что приведенного определения шамана ясно, насколько бубен считался показательным и существенным для шаманского служения. Надо заметить, что в настоящее время онгоны бурят, изображающие умершего шамана, имеют форму бубна с фигурой шамана на продольной перекладине его и называются *хесте онгон*, т.е. имеющий бубен [МАЭ, колл. № 2016-49; Жамцарано 1909: 381; Агапитов, Хангалов 1883: 72, фиг. I; Потанина 1895: 8]¹⁵ (рис. 2). Изображения в честь умерших шаманов у алтайцев представляют собою бубен, посередине которого помещена фигура хозяина бубна [Ядринцев 1882: 58; Спасский 1821: 11 (284); Анохин 1924: 52; МАЭ, колл. № 1853-17] (л. 7).

На онгонах сойотов фигуры, изображающие умерших шаманов, несут в руках маленькие бубны (МАЭ, колл. № 1340-5). Бубен в шаманском ритуале встречался еще в недавнем прошлом у большинства турецко-монгольских племен, даже у тех, у которых ныне он отсутствует или не имеет доминирующего значения. Так, во времена Миллера и шаманы у барабинцев употребляли еще барабаны (бубны) [Георги 1799: 117]. Бубны видел Георги и у Заянских татар^{vi} [Георги 1799: 167]. У казаков и киргизов хотя в настоящее время кобыс совершенно заменил бубен, об употреблении бакшами бубна известно еще в XVIII в. от Палласа [Паллас 1809: 577]¹⁶ и Георги [Георги 1799: 140]. О существовании бубна наряду с кобысом у киргизских бакши говорит Кастанье [Кастанье 1913: 82]. В Туркестане бубен отмечен у порханов туркмен и хивинских узбеков [Самойлович 1909: 172], тарангинских бакшей [Кактусов 1907: 40], в пережиточной форме шаманства у сталбин оседлого населения Туркестана [Троицкая 1925: 149, 153]. Имеет значение бубен и в шаманском ритуале турецкого населения Восточного Туркестана, причем ударяет в бубен не сам шаман, а присутствующие музыканты. Надо заметить, однако, что эти игроки в бубен носят название *арваки*, что означает буквально не музыкант, а заклинатель и колдун [Малов 1918: 9, 11; Ольденбург 1918: 17]. Обычай пользования бубном, помимо шамана, еще и присутствующими дает нам право думать, что бубен

¹³ Ведомость, сочиненная в Тобольске и присланная из городов: из Пелыми, из Верхотурья, из Тары, Томена, из Нарыма, из Кетского и из Кузнецкого дистрикта по требованию тайного советника господина Татищева. Рукопись Академии наук [СПб. ФА РАН. Ф. 16. Оп. 3. Д. 10].

¹⁴ Аналогичное название для шамана отмечено в шаманском языке азиатских эскимосов; шаман называется «владелец бубна» [Богораз 1919].

¹⁵ «...изображающие некогда живших шаманов, или фигура с бубном в руках, или один только бубен» [Потанина 1895: 8].

¹⁶ «Потом бакши начинает петь чародейские стихи, бить в обвешанный кольцами чародейский барабан, кобиц называемый» [Паллас 1809: 577].

Рис. 2. Изображение умершего шамана (шамана-предка).
Буряты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 866-6 абв)

в группе турецко-монгольских племен (л. 8) не был индивидуальной собственностью шамана, а принадлежал роду или определенной группе лиц, так как было совершенно безразлично, кто ударяет в бубен и способствует возбуждению шамана и толпы. Вот почему часто мы встречаем и в настоящее время бубен не у шамана, а у присутствующих. Бурятский шаман камлает, держа в руках трости, в то время как его родственники или помощники бьют в бубен [Петри 1923: 412]. У Таранчей часто музыканты или ученики ударяют в бубен, а сам шаман сидит позади них [Кактусов

1907: 40, 42]. Якутский шаман передает бубен во время камлания присутствующим якутам, которые вместо него попеременно ударяют в бубен [Виташевский 1886: 179]. (л. 9)

Типы бубнов^{vii}. Бубны турецко-монгольских племен могут быть разбиты на 7 основных групп.

1. Бубны турецких племен Туркестана и среднеазиатских степей.
2. Якутов.
3. Карагасов.
4. Сойотов.
5. Турецких племен Северного Алтая и Минусинских степей.
6. Алтайцев.
7. Монголо-бурят.

В группе Северо-Алтайской и Минусинской могут быть выделены: 1) бубны минусинских турков; 2) качинцев и бельтиров; 3) шорцев и телеутов.

Бубны турецких племен Туркестана. Бубны туркменских порханов [Самойлович 1909: 172], фолбин оседлого населения Туркестана [Троицкая 1925: 147], таранчинских бакши [Пантусов 1890: VII–VIII] состоят из деревянного обода, обтянутого кожей. С внутренней стороны обода обечайки обычно подвешиваются металлические железные сережки, иногда бубенцы. Кожа для бубна часто берется козлиная, круг делается из тутового дерева (*таранчи*). Кожа не разрисовывается. Бубны небольших размеров, не имеют ни рукоятки, ни колотушки (МАЭ, № 1268-6). Исключение составляет барабан (*думбак*) *таранчей* из тутового дерева, обтянутый верблюжьей кожей, по которому ударяют колотушкой — палкой из ирги [Пантусов 1890: VII–VIII; Ольденбург: 1918: 17]¹⁷. Такие же бубны служат одновременно и музыкальным инструментом. У таранчей и Восточном Туркестане вообще бубен носит название *даб* или *дап*. Бубен такого же типа отмечен Кастанье у киргизских бакшей [Кастанье 1913: 17–18]. (л. 10)

Бубны якутов. Бубны якутов — *түңүр* или *дүңүр* [Васильев (б) 1910: 43–44; Васильев, Пекарский 1910: 113–114; Виташевский 1918: 174; Кларк 1864: 13; Костров 1878: 293; Маак 1887: 130; Мерк 1806: 130; Приклонский 1891: 53; Приклонский 1886: 100; Притузов 1885: 65; Попов 1886: 134; Попов 1925: 10; Серошевский 1896: 635; Соловьев 1876: 412–414; Стефанович 1897: 31; Трошанский 1902: 128–129] состоят из ободка, сделанного из лиственной доски или из тала, обтянутого коровьей шкурой без шерсти. Кожа берется или от 3-годовалого бычка или от 2- или 3-травой коровы и не имеет разрисовки. Вдоль наружного края обечайки идет ряд выступов, называемых *бүттэх*^{viii} *муос* — «выпуклые рога», они служат для усиления

¹⁷ У оседлого населения Туркестана бубны фалбин называются *чарманду* (*чирманда*, *чилдырма*) [Троицкая 1925: 147].

Рис. 3. Бубен. Якуты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 1100-2)

звука¹⁸. Внутри обечайки на железных скобах одеты железные подвески. Рукоятку бубна образует железная крестовина — *быарык*, имеющая в центре сквозное отверстие в виде бубнового очка, прикрепленная при помощи 4-х пар ремней (МАЭ, колл. № 1100-2, № 1871-6) к железным петлям обечайки бубна (рис. 3). По типу рукоятки подвесной, имеющей подвижное соединение с остовом бубна, якутский бубен отличается от всех бубнов рассматриваемой нами группы племен и относится к группе тунгусско-якутско-юкагирской, некоторые образцы которой даны в работе Иохельсона <...> [Потанин 1893а: 14; Подгорубнский 1916: 31]. Причем якутский бубен, наряду с тунгусским, дает наиболее развитые формы в этой группе.

Согласно якутской легенде крестовидная железная пластинка для рукоятки бубна спустилась шаману с неба [Попов 2006: 67]. Можно действительно думать, что появление крестовины якутского бубна, тем более (л. II) сделанной из железа, есть явление позднейшее. И, стало быть, пер-

¹⁸ Обычное число выступов — 9–11.

вично якутский бубен, как некоторые бубны этой группы (см. юкагирский)¹⁹, имел лишь перекрещивающуюся веревочку, служащую для держания его.

Бубны карагасов. Отличительной особенностью бубна карагасов (*түңүр*) можно считать наличие, помимо продольной массивной рукоятки, 2-х поперечных деревянных дуг, упирающихся в обод бубна и прикрепленных к продольной рукоятке [с] помощью ремней (МАЭ, колл. № 1480-12) [Васильев 1910 (а): № 1–2; Катанов 1891: 66; Катанов 1907: 600]. Одна из поперечных деревянных дуг может заменяться железной проволокой. Последняя привязывается ремнем к рукоятке бубна, а своими концами закрепляется за поперечную деревянную дугу (опись колл. РЭМ, № 2486–305). Поперечные деревянные перекладины бубна носят название и осмысляют-ся как ремни, которыми заседлывают оленей. Верхняя называется ремнем, идущим от седла к шее оленя, нижняя — ремнем, идущим от седла к хвосту. Кожаные ремни бубна называются поводьями (МАЭ, колл. № 1840-2). Бубен массивный, скорее круглый, чем овальный. На внешней поверхности обечайки сильно выступают бугры, образованные подложенными под кожу шишкообразными накладками *хаба*^{ix} и обтянутыми сухожильными нитками. Кожа, натянутая на бубен, берется от марала или оленя. Рисунки на коже отсутствуют. Количество подвесок карагасского бубна весьма незначительно. Подвешиваются подвески исключительно к обечайке бубна на продольных железных скобах. (л. 12)

Бубны сойотов. Сойотский бубен (*түңгүр, түңгүүр*) [Грум-Гржимайло 1926: 142; Каррутерс 1914: 67; Радевич 1910: 16; Островских 1898: 429; Яковлев 1902: 53; Яковлев 1900: 10] крайне неустойчив по своему типу. В районе Тоджи, наиболее близком к району расселения карагасов как по географическому условиям, так и по этническому составу²⁰, встречается бубен типа карагасского с двойными поперечными перекладинами, обращенными выпуклой стороной вверх, т.е. к головному концу бубна, и привязанными ремнями к продольной рукоятке (РЭМ, колл. № 650-4 из Тоджи).

Второй тип бубна сойотов имеет крестообразную деревянную рукоятку. Вертикальная рукоятка продольно вырезана выше и ниже пересечения ее поперечной планкой и орнаментирована косыми линиями. На поперечной перекладине на железных скобах подвешены металлические привески. Остальные подвески на 2-х железных кольцах прикреплены к внутренней поверхности обечайки. Кожа без орнамента (МАЭ, колл. № 1340-45, Таракемь). Бубен имеет массивную деревянную продольную рукоятку, ужима-

¹⁹ Существуют указания, что помимо обычного бубна у якутов был еще *дюжурь*^x — инструмент с натянутыми струнами, в который, однако, шаман ударял металлической лопаткой [Маак 1887: 118].

²⁰ Исследование тождинцев необходимо вести совместно с исследованием наших карагасов. Их родной лесной, таежный характер места их обитания, оленеводство и звероловство [Островских 1898: 425].

ющуюся посередине, и тонкую деревянную округлую перекладину, также деревянную. На последней на сильно удлиненных железных скобах подвешены металлические трубчатые привески. Продольная и поперечная перекладыны скреплены [с] помощью кожаного ремня. На продольной рукоятке укреплен пучок цветных матерчатых лент и <...> (МАЭ, колл. № 391-3а; РЭМ, колл. № 650-3, сойоты) <...>. Бубен меняет поперечную деревянную перекладину на железный прут, соответственно этому исчезают продольные железные скобы (они, возможно, вытянулись и дали сплошной железный прут), а подвески непосредственно прикрепляются к железной поперечной перекладине. Число подвесок остается незначительным. По типу рукоятки этот бубен составляет прямой переход к бубнам минусинских турков, но продольная его перекладина еще очень проста, (л. 13) не имеет ни орнамента, ни вырезов. Кожа бубна, хотя и неопределенно окрашена красной краской, не имеет рисунков, как и все остальные сойотские бубны (МАЭ, колл. № 653-3) [Яковлев 1900: 10]²¹. Кожа для бубна берется от марала или дикого козла [Островских 1927: 5], в скотоводческих районах заменяется конской шкурой [Потанина 1895: 55]. Рукоятки некоторых сойотских бубнов вырезаются иногда в виде грубого изображения человека, характерного для бубна алтайцев [Потанина 1895: 55]²². Некоторые рукоятки сильно орнаментированы, причем на изображениях сказывается влияние буддизма (РЭМ, колл. № 650-5 — кемчикские сойоты, № 650-7 — орнаментированная рукоятка) [Генкель 1911: 5; Кон 1902: 117].

Бубны турецких племен Северного Алтая и Минусинских степей.

Бубны этой группы племен имеют продольную деревянную орнаментированную рукоятку с продетым сквозь нее поперечным железным прутком. Количество подвесок, прикрепленных как к поперечной перекладине бубна, так и к внутренней стороне обечайки, значительно. Кожа бубна, взятая от марала, оленя или дикой козы в охотничьих районах или от лошади в скотоводческих районах всегда разрисована.

Наиболее простым типом бубна этой группы племен можно считать бубен, привезенный из юго-западной части Енисейской губернии (МАЭ, колл. № 655-2)²³, по простоте устройства его рукоятки он может быть расположен вслед за переходным сойотским бубном. На продольной перекладине его нет еще ни резьбы, ни отверстий; выявлена лишь характерная для этих бубнов продольная полоса-гребень. В отличие от сойотского бубна, кожа этого бубна разрисована. Несколько более орнаментирована рукоятка бубна сагайцев (РЭМ, колл. № 2524-5). Наиболее постоянный

²¹ Исключение составляет имеющий разрисовку бубен Минусинского музея № 104.

²² Бубны, хранящиеся в Казанском музее, собранные профессором С.А. Теплоуховым.

²³ Где соприкасаются шорцы, сагайцы и бельтиры.

тип бубна минусинских турок *түр* (л. 14) [Катанов 1893b: 27; Катанов 1890: 237; Клеменц 1890: 31, № 6; Яковлев 1900: 55–58]²⁴. Это бубен с массивной продольной деревянной рукояткой (*марс*), на верхней и нижней лопастях которой вырезаны по 6 пар удлиненных отверстий и выступают полосы-гребни, украшенные угловатым орнаментом. Середина рукоятки значительно суживается и закругляется для обхвата руки. Сквозь выступающий гребень верхней лопасти рукоятки проходит железный прут (*kipic*) с привешенными железными подвесками. Обечайка бубна (*түр хазы*) делается из полосы тальника или ветлы, согнутой кругом и сшитой ремнем. Рукоятка вырезывается обычно из березы, реже из тальника. Кожа берется от молодого жеребца или от марала и натягивается на обечайку чаще всего так, чтобы кожа с передней части животного пришлась на верхнюю половину бубна. Охватывая обечайку, кожа с внутренней стороны стягивается вся ремнем как сдержкой. Возвышения на внешней стороне обечайки называются сосцами бубна. На внутренней стороне обечайки подвешивают саблевидные привески — *кылыс*^{xi} (*мечи*). Форма бубна круглая или слегка овальная. Этот тип может считаться характерным для сагайцев, отчасти он встречается у качинцев и бельтиров (МАЭ, колл. № 2390-1, качинцы) (рис. 4).

Бубны качинцев и бельтиров. Бубны качинцев и бельтиров отличаются формой рукоятки. Средняя часть продольной перекладки не суживается, а, наоборот, расширяется. Для обхвата и просовывания руки делаются специальные прорезы в ней (РЭМ, колл. № 664-138, качинцы; Клеменц 1890: табл. I, II, III). Причем на некоторых бубнах лопасти рукоятки также сильно расширяются, значительно орнаментируются и продольно прорезаются (МАЭ, колл. № 2390-1, качинцы; МАЭ, колл. № 2164-1, бельтиры) (рис. 3). Бубен бельтиров имеет обечайку из тала, обтянут шкурой марала, причем передняя часть шкуры направлена в ту сторону, куда направлены и все фигуры, нарисованные на бубне (МАЭ, № 2164-1). Кожа на качинском бубне берется от жеребца (МАЭ, колл. № 655-1). (л. 15)

Бубны северо-алтайских турков. Рукоятка (*марс*, *барс*) бубнов шорцев — *түр* (МАЭ, колл. № 651-3, р. Кондома, шорцы; № 3645, р. Мрас-су) — более округло-сжатая по сравнению с сагайскими бубнами. Число отверстий на лопастях^{xii} бубна — 12–8, они бывают наряду с удлиненными округлые, угловатые. В большинстве бубнов сильно выражен резной орнамент углами на округленной части рукоятки, причем эта орнаментированная часть более или менее увеличивается за счет верхней и нижней лопастей рукоятки. Форма бубна круглая и овальная. Обечайка делается из тальника. Кожа берется от дикой козы, марала, в верх[овьях] Кондомы — только от

²⁴ Описи МАЭ, колл. № 2164-4, 2199-113, 2390-1 — сагайцы; колл. № 651-10 — бельтры.

Рис. 4. Шаман с бубном. Сагайцы, начало XX в. (МАЭ, колл. 2199-112)

Рис. 5. Бубен. Шорцы, начало XX в. (МАЭ, колл. 5073-3)

оленья; местами заменяется жеребьячей. Кожа, натянутая еще влажной, пришивается к обечайке конопляной ниткой с вкрученной в нее оленьей жилой. Рога — выступы на внешней поверхности — обечайки делаются из наростов на березе. Рукоятка (*алты кѳстѳ ала марс* — «с 6-ю глазами пестрый лев») вырезается из березы. Металлические привески, железные и медные (называемые <*кѳйак*> — кольчуга или <...>), прикрепляются к поперечной железной перекладине (*тебѳр кириши*); ножеобразные железки (*кѳлыши* — мечи) прикрепляют к внутренней поверхности обечайки (рис. 5). Телеутский бубен — *чалы* (Анохин: опись колл МАЭ, № 2014-3) — более округлой формы. Перекладина (*барс*), округлая в средней части, имеет на верхних и нижних лопастях отверстия в виде небольших дырочек, расположенных треугольниками, которые считают глазами бубна. Выгнутый поперечный прут (*кѳрыж*) несет железные подвески (*кѳлыши* и *суѳур*)^{xiii}.

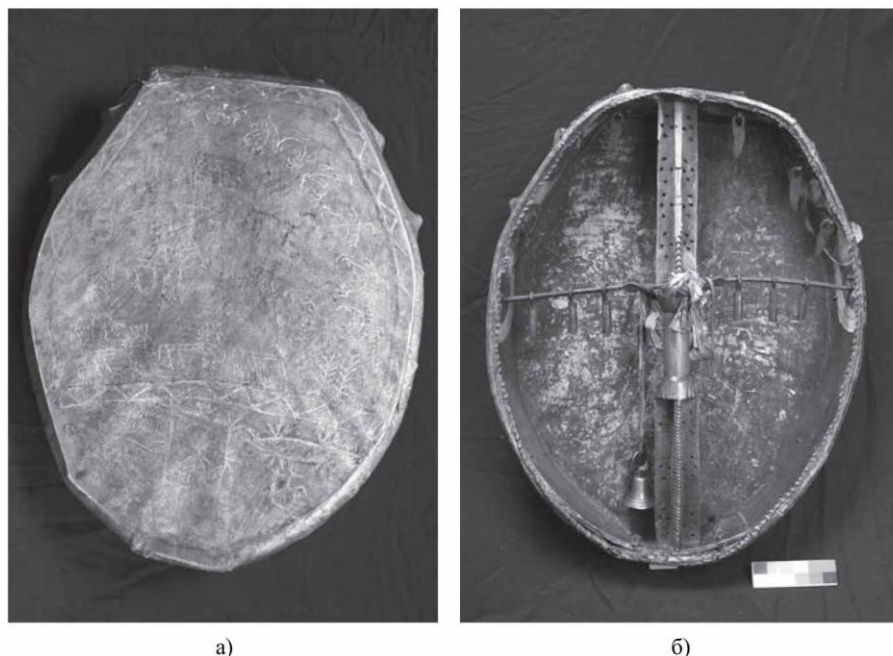

Рис. 6. Бубен. Телеуты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 2014-1):
а — наружная сторона, б — внутренняя сторона

Кожа конская (рис. 6). Бубен типа телеутско-шорского отчасти встречается наряду с алтайским типом у турецких племен по р. Лебеди и р. Бии, шалганов и кумандинцев и у Бийских черневых турков [Потанин 1883; Михайловский 1892: 67–68]. (л. 16)^{xiv}

Бубен алтайцев. Бубен алтайцев (МАЭ, опись колл. № 653-1, 1853-3) [Анохин 1924: 49–64; Михайловский 1892: 67; Потанин 1883: 40–44; Стефанович 1897: 48] носит название *тўңўр* или *чалу*, причем термин «тўңўр», по мнению Анохина, относится к самому бубну, а «чалу» — к его деревянной рукоятке, изображающей умершего шамана [Анохин 1924: 49]. По мнению акад. В.В. Радлова, термин *чалу* есть исконный турецкий термин для бубна, происшедший от глагола *чал* — «ударяться с размаху», который впоследствии мог быть перенесен и на рукоятку, а следовательно, и на хозяина бубна. Термин *тўңўр* появился у алтайцев как заимствование от монголов [Вербицкий 1884: 424]. Однако на основании сравнительного изучения терминов для бубна в группе турецких племен можно считать общим для них термин *тўңўр* или *тўўр*, тогда как термин *чалу* отмечен лишь для телеутов и алтайцев. Бубны алтайцев чаще круглые, чем овальные. «Остов бубна составляет обечайка из кедра — *каш*, скрепляемая сыромятными ремнями. Рукоятка бубна — *барс* или *каным* — делается из березового дерева. Верхняя ее часть вырезана овально или округло и изображает

голову хозяина бубна, на лице которого надрезами отмечены брови, нос и часто борода. На месте глаз вставлены медные бляхи. Часто и брови, нос, рот и борода покрываются пластинками красной меди. Небольшие выступы с боков верхней части рукоятки рассматриваются как руки хозяина бубна. Нижняя часть перекладки делится на 2 половины, изображающие ноги хозяина. Последнее, однако, отмечается не у всех бубнов. Крайне образно описывает миссионер В.И. Вербицкий ручку такого бубна: «Внутри коего (т.е. бубна), — говорит он, — от одного края до другого проходит через центр палка или ручка, оканчивающаяся на одном конце иногда с рожей с пуговицей вместо глаз» [Вербицкий 1893: 64–65]. На <...> бубнах перекладка представляет собой двухголовую фигуру, причем одна голова считается принадлежащей предку шамана (*чалудың башы*), другая — самому шаману. Такой бубен называется двухголовый (*екі башту*). Бывает, что на перекладке бубна, в верхней (л. 17) ее части, вырезывается дополнительная маленькая фигура человека — изображение самого шамана. Верхняя часть перекладки, т.е. грудь хозяина, пересекает железный прут, витой или простой (*kipiш* — тетива), на котором укрепляются металлические привески: пластинки конура^{xv}, символизирующие стрелы (обычно 9); железные серповидные крючки (*ai кулак*, *сырба* — ухо и серьга). Небольшие возвышения на железном пруте называются <*jарын*> плечи, сам прут — *чалудың колы* — руки. Кожа для бубна берется обычно от марала и в исключительных случаях заменяется шкурой молодой лошади. Пришивается кожа конопляной ниткой так, что края ее образуют оторочку горбинки на внешней стороне обечайки — *оркош*, служащие резонаторами, образуется благодаря вложенным под кожу березовым палочкам, перевязанным волосяными веревками.

Бубен с перекладкой, изображающей фигуру человека, помимо собственно алтайцев (<*алтай*>-*kiжі*) употребляется в культе теленгитов юго-восточного Алтая, черневых турков (*туба-kiжі*), тубалар или <*чиш*>-*kiжі*). Тип этого бубна бытует наряду с типом шорско-телеутским у кумандинцев по р. Бии и у шалганов на р. Лебеди и ее притоках. Причем у шаманов отмечены бубны и с двухголовыми перекладками (*каным*) [Адрианов 1881a: 45].

Бубны монголо-бурят. Бубен монголов <...>, или *хенгерек*^{xvi}, овальный, обтянут кожей дикого козла, которая, однако, может быть заменена и кожей других животных. Две перекрещивающиеся перекладки образуют ручку бубна — *бариул*, к которой прикрепляются подвески в виде закрученных трубочек. На внешней поверхности обечайки — орнамент. На коже отсутствуют изображения [Владимирцев 1927: 26 (орудия шаманов Вост. Халки)]. Реже продольная перекладка бубна бывает вырезана в верхней своей части в виде изображения человеческого лица. (л. 18)

Бубен бурят — *хэсэ* — обычно круглый. Рукоятку образует массивная деревянная крестовина, плотно соединенная с остовом бубна. Кожа берется от дикого козла или лошади и скрепляется ремнями. Изображения на коже отсутствуют (РЭМ, колл. № 1289-49) [Агапитов, Хангалов 1883: 43]. У бурят же отмечено существование бубна с продольной перекладиной в виде грубого изображения человека и поперечной перекладиной из железа [Потанина 1895: 43]. Совершенно отклоняется от только что описанного бубна бурят Забайкальской области имеющий вместо рукоятки подвесной на ремнях железный круг. По устройству рукоятки он относится к типу тунгусских и ламутских бубнов и, несомненно, указывает на влияние последних на бурят этого района.

Маленький бубен с рукояткой из двух железных перекладин с нанизанными на них кольцами с глубоко отступающей во внутрь бубна оторочкой кожи представляет переход к бубнам, затянутый кожей с двух сторон, характерным для ламайского культа, и может считаться случайный в шаманском ритуале (МАЭ, колл. № 2016-23, буряты Забайкальской области)²⁵.

В настоящее время бубны у бурятских шаманов исчезли в большинстве районов, и установить тип бурятского бубна представляет некоторое затруднение. Можно, однако, думать, что основной его формой является бубен с деревянной перекрещивающейся рукояткой-крестовиной, соединенной с обечайкой с помощью ремней или плотно вклепанной в обечайку концами своих перекладин. (л. 19)

Осмысление бубна. В то время как у большинства племен северо-востока Сибири бубен мыслится главным образом как птица, ладья или весло, у турецко-монгольских племен наиболее ярко выражено представление о нем как о верховом животном, на котором шаман совершает свои путешествия в мир духов²⁶. Представление о бубне и колотушке как о лодке

²⁵ Хотя Подгорбунский [Подгорбунский 1923: 229] указывает, ссылаясь на Потанина [Потанин 1883: 40], на шаманский бубен, двухсторонне обтянутый кожей, хранившийся в Музее Вост.-Сиб. отд. РГО, № 14252. Бубен этот был сходен с ламайскими бубнами.

²⁶ Чаше всего бубен называется конем шамана. Но в некоторых случаях название «конь» нужно понимать в переносном смысле — как верховое животное вообще. У бурят, у различных шаманов верховым животным или «конями» служат различные животные. Так, для шаманов корня *ѳбѳсе*, т.е. черных хородутов (хородутских черных шаманов), верховым животным считается медведь. У шаманов корня *тарсай* и *ардай* — волк [Санджиев: СПб. ФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 66]. У сойотов шаман, называя свой бубен конем, в то же время обращается к нему: «Внемли, внемли, мой конь-маралуха. Внемли, внемли конь мой — медведь. Внемли, о Мажалый (имя медведя), о крашенный бубен в переднем углу, мой верховые животные — марал и маралуха» [Катанов 1907: 47]. У якутов бубен изображает лошадь или вообще животное, на котором шаман отправляется к духам [Васильев 1910 (6): 45]. «Бубен служит символическим изображением животного, на котором шаман спускается в преисподнюю» [Приклонский 1891: 53]. Особенно ярко выявляется представления о бубне как о верховом животном в словах молитвы урянхайского шамана: «О, мой красавец-бубен. Ты захромал, о мой красавец» [Катанов 1907: 165].

и весле [Яковлев 1900: 55; Тыжнов 1902b: № 11–12: 342; Катанов 1897a: 31], при помощи которых шаман переплывает встречающиеся ему на пути водные пространства, встречаются у них очень редко. Кроме этих основных представлений, мы еще находим у них представление о бубне как о «железном прикрытии», панцире или как о луке [Попов 2006б: 360], при помощи которых шаман защищается от злых духов, и стреле [Яковлев 1900: 55; Яковлев 1902: 53; Потанина 1895: 13 (буряты); Потанин 1884: 262] даже у некоторых народов, причем интересно, что поперечная железная перекладина бубна носит название *kiriin* или *kipic*, что означает «тетива лука». Саблевидные и мечевидные подвески на бубне также осмысливаются как стрелы и служат, по представлению шаманов, для сражения со злыми духами [Катанов 1890: 237], для этой же цели прикрепляется нередко к рукоятке бубна маленький лучок (РЭМ, колл. № 1286-49, буряты). Во время камлания иногда шаман прицеливается бубном, подражая стрельбе из лука [Вербицкий 1870: 93; Потанин 1884, XI: 265]. Иногда же при некоторых (л. 20) же камланиях бубен заменяется луком и стрелой [Анохин 1924: 52, алтайцы; Radloff 1884, I: 362, шалганы по р. Лебеди, кумандинцы, шорцы]²⁷.

В представлении турецко-монгольских племен о бубне как верховом животном шамана — олене или коне (в зависимости от того, шкура какого животного пошла на обтяжку бубна) — отразилась как смена двух хозяйственных форм (охоты и скотоводства), так и двух религиозных представлений^{xvii} (перевес в культе роли домашних животных над дикими)^{xviii}.

Так, несомненно, для обтягивания бубна первоначально употреблялась шкура диких животных: самца марала, оленя, дикого козла. Употребление шкур этих животных сохранилось у большинства сибирских турок и бурят и до настоящих дней. В некоторых районах расселения этих племен, в районах более развитого скотоводческого хозяйства, шкура лошади сменяет постепенно шкуру диких животных, или одновременно употребляют шкуры и тех, и других животных. У якутов замена идет еще дальше. Соответственно тому как рогатый скот сменил конный в их хозяйстве, бубен обтягивается у них уже коровьей кожей. Насколько большое и существенное значение для осмысления бубна играет то животное, шкура которого идет на его покрышку, ясно из того, что, например, сагайский шаман натягивает шкуру коня на бубен так, чтобы передняя часть ее пришлась на верхнюю половину бубна, чтобы конь его не стоял вверх ногами [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2390-1, сагайцы], а бельтирский шаман располагает шкуру марала передней частью в ту сторону, куда обращены все изображения на коже, т.е. в ту сторону, куда будет двигаться его марал-

²⁷ У монголов шаман может совершать камлание, держа в руках только стрелу [Попов 1932: 192].

бубен [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-1, бельтиры]. Соответственно коже, покрывающей бубен, последний осмысляется то как олень и марал, то как конь.

Осмысление бубна особенно выявляется в обряде получения нового бубна, так как шаману во время этого обряда необходимо овладеть душой того животного, шкура которого пошла на его бубен. На бубне, обтянутом (л. 21) шкурой марала, делается изображение марала — *сыбын*, от которого взята шкура [Анохин 1924: 60, алтайцы], на бубне, покрытом конской кожей, иногда изображается красный конь [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2390-1, сагайцы]. У карагасов-оленоводов бубен осмысляется как олень-самец^{хх}, поперечные перекладыны бубна носят название ремней, которыми заседливается олень [Васильев 1910 (а): 76]. У бельтиров бубен считается маралом [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2390-1, сагайцы]. Урянхайские и карагасские шаманы поют во время камлания: «Я, Шаман, ездящий на диком марале-изюбре», причем бубен у них покрывается шкурой этого животного [Катанов 1891: 68; Катанов 1907: 163 (бубен-сохатый)]. Надо заметить, что в культе этих племен сохраняет значение олень [Катанов 1907: 600, 608]. В обращении урянхайского шамана к бубну комбинируется иногда представление о нем как о коне и марале. Шаман обращается к бубну: «О конь мой, верховой, маралица, имеющая черный рот». Осмысление бубна как коня, являясь позднейшим для района сибирских турков и бурят, наиболее стойко сохраняется, будучи связано со значением лошади в экономике и культе той волны кочевников-скотоводов, которая распространилась до сев.-вост. Якутии [Middendorf 1875: 562; Трошанский 1902: 64, Серошевский 1896: 262, 640; Jochelson 1906: 262, 263]^{хх}. По представлению всех турецко-монгольских племен, различные духи и духи-помощники шамана имеют своих лошадей, а иногда мыслятся в образе лошади²⁸, отдельным духам посвящается конный скот, и вполне естественно, что шаману для его далеких поездок в различные миры духов необходим тот сверхъестественный конь, который воплощается в его бубне. Особенно наглядно такая поездка шамана на коне-бубне выявляется в диалоге качинского шамана с присутствующими на камлании: «Скоро поеду на коне», — говорит шаманка, собираясь в свое воображаемое далекое путешествие. «Ну и поезжай», — отвечают присутствующие. (л. 22) «Тяжело ехать-то», — жалуется шаманка. «Ничего, съезди уж», — просят собравшиеся. «Конь пристаёт далеко ехать», — снова говорит шаманка. И присутствующие

²⁸ Дыренкова Н.П. «Шаманские духи-звери у турецко-монгольских племен» (рукопись) (рукопись утрачена. — *Прим. сост.*). Даже духи киргизских и туркестанских шаманов являются на конях [Малов 1918: 2]. «О пери, скачущие на белых конях, с плетками, как змей. Подобные быстрым иноходцам, восходящие на облака, взлетающие на небо» [Кастанье 1913: 131]. Дыренкова Н.П. «Посвящение животных у турецко-монгольских племен» (рукопись) (публикуется в настоящем томе).

настаивают: «Ну что же делать, надо съездить». Сагайский шаман в молитвах обращается к бубну, называя его «на семи океанах мой серый конь». Бубен считается конем у алтайцев, телеутов, минусинских турок [Яковлев 1900: 55], бурят [Потанина 1895: 13, Петри 1926: 70], монголов [Санжеев 1930: 61], отчасти у шорцев и у урянхайцев [Яковлев 1902: 3; Яковлев 1900: 104; Потанин 1881: 87]²⁹. Даже у якутов, у которых в настоящее время бубен обтягивается коровьей кожей, шаман называет бубен конем, сохраняя его прежнее осмысление [Припузов 1884: 65; Приклонский 1891: 53; Васильев, Пекарский 1910: 114; Попов 2006: 52]. Считаясь конем шамана, бубен, как волшебный конь турецко-монгольской мифологии, способен совершать полеты [Jochelson 1906: 262]. У урянхайцев бубен есть конь, на котором шаман улетает в мир духов [Потанин 1881: 87]. Якутский шаман верхом на бубне спускается в подземный мир [Попов 2006: 263; Куликовский 1923: 10]. У них же бубен превращается в кобылу с тремя ногами, стрелой рассекает скалу и проходит сквозь нее [Худяков 1890: 148–149].

Соответственно представлениям турецко-монгольских племен о путешествии шаманов в мир духов на коне и о возвращении назад на птице (гусе) [Потанин 1883: 7; Вербицкий 1870: 87 и др.] бубен сохраняет и осмысление птицы, более древнее и характерное в настоящее время для шаманов сев.-вост. Азии. Последнее осмысление имеет свои корни в представлениях о роли птицы в шаманстве вообще (как духа шамана, родоначальника, воспитателя и учителя шамана и т.д.), а также в представлениях о полетах шамана, совершающихся с помощью духов-птиц. Так, у бурят бубен в руках шамана изображает птицу, на которой шаман поднимается к небесам [Потанина 1895: 13]. Бубен в глазах шамана получает способность летать сам и носить с собой шамана. На бубне шаман совершает полеты в подземные миры. У минусинских турок старый шаман берет (л. 23) нового обучаемого им шамана, и они ночью на бубне едут вместе к Ильхану [Клеменц 1884b: 7]. В якутской сказке Юрюнг-Уолан Нуруллан-Ко берет бубен, садится в него, ударяет 3 раза и вылетает вверх, сквозь семислойное небо [Горохов 1884: 57]. Старинные бурятские шаманы на бубне поднимались на небо [Подгорбунский 1916: 38]. Родоначальники — шаманы алтайцев изображаются перелетающими с бубном в руках через большие водные пространства [Потанин 1884: 261; Островских 1895: 342]. Сидя на бубне или держа его в руках, «летят» якутские [Виташевский 1914: 50], шорские и сагайские шаманы.

В осмыслении бубна сказались религиозные представления различной древности. Несмотря на преобладание некоторых из них, бубен, по воззрениям этих племен, имеет способность к различным превращениям. Он

²⁹ Шаманы сражаются на лошадях, которых символизирует бубен [Яковлев 1900: 104].

может становиться то конем, то луком, то лодкой шамана [Яковлев 1900: 55]. Наиболее ярко выявлено такое комплексное представление о бубне в обращении к бубну якутского шамана во время первого камлания над ним: «Снабжая мягкими рассыпающимися конскими волосами, устраивая хвост из подвесок, делая бубном величиной с замершее круглое озеро, делая бойким конем, делая сильным животным, делая шумящим золотым крылом, будь улетающим в верхний мир сильным железным кругом, будь звенящим спускающимся вниз хорошим конем... Ты отважный, будучи шкурою трехтравой скотины, мыча, ускочи на одной ноге в обширную страну. Ты отважный, выгнутое дерево, сам грозный и сильный, запрягающийся полый барабан» [Попов 2006: 335]^{xxi}.

Хозяин бубна. Независимо от только что приведенных различных осмыслений бубен наделяют еще особым духом-хозяином бубна, получающим постепенно антропоморфные черты. Видимым изображением (воплощением) этого хозяина мыслится рукоятка бубна, причем название рукоятки — *барс*, *парс*, *марс(ы)*³⁰ — совпадает и с названием хозяина бубна^{xxii}. (л. 24) У шорцев рукоятку и хозяина бубна называют^{xxiii} *ала кӧстүг барс* — «с пестрыми глазами лев»; у сагайцев — *алты кӧстүг ала марсы* — «с 6-ю глазами (по числу отверстий в верхней части рукоятки) пестрый лев», у телеутов — *алты кӧстү ала барс* [Анохин: опись колл МАЭ, № 2014-1, телеуты]. Рукоятка в виде антропоморфного изображения носит название *каным* [Анохин 1924: 144; Потанин 1915: 99]. Подобные антропоморфные фигуры с тем же названием отмечены у алтайских турок в числе домашних духов покровителей, независимо от бубна. Совершенно так же, как название бубна и его рукоятки — *чалӯ* — алтайцев и телеутов, применяется к изображениям духов-покровителей главным образом кровных родственников духов; вот почему у этих племен рукоятка бубна, изображающая предка кама и хозяина бубна, и изображение духов независимо от бубна называются *чалӯ*. Идолов пишет Георги, они (телеуты) называют *чалу* [Георги 1799: 160].

Когда шаман путем камланий, сообщает Потанин со слов Г.И. Гуркина (алтайца), откроет, каким духом наслано бедствие, он говорит, что нужно сделать *чалӯ* этого духа, т.е. *курмешек*, изображающий этого духа. Отсюда видно, что термин *чалӯ* соответствует нашим иконам, образам. Под словом *чалӯ* алтайцы разумеют также и шаманский бубен [Потанин 1915: 99]. *Чалӯ* по словам Анохина, относится к деревянной рукоятке бубна, изображающей умершего шамана [Анохин 1924: 49]. И вероятнее всего, как полагает редактор труда Анохина^{xxiv} [1924: 49], термин для

³⁰ Вербицкий 1884: 244 (*парыс* (абак) — лев); 243 (пар (телеут), *парс* (телеут и нижебайское) — тигр); 200 (нижебайское — тигр). *Марс каңыр* (верхнекондомское) — две дыры в верхних и нижних концах рукоятки шаманского бубна.

бубна *чалу* (от глагола *чал*) был перенесен на рукоятку бубна, и следовательно, на хозяина бубна. Интересно, что Катанов приводит для названия бурятского бубна термин *бар* [Агапитов, Хангалов 1893: 32], известный как название рукоятки бубна у алтайско-саянских турок. Иногда хозяин бубна носит чисто индивидуальное название, различное у отдельных шаманов. В зависимости от того, от каких духов шаман получил свой бубен. Хозяин бубна считается то умерший шаман, предок владельца бубна, то первый шаман, родоначальник всех шаманов, или один из главных духов помощников шамана, посланный шаману от избравшего его духа [Анохин 1924: 53; Потанин 1884: 262; Алтайская церковная миссия 1865: 41]³¹. Страх перед бубном, осторожное отношение к последнему, боязнь ударить или толкнуть его вытекают из страха перед хозяином бубна, который в любой момент может задавить как оскорбителя, так и самого владельца бубна, допустившего вольное обращение со своим бубном (шорцы). «Шаманы инородцев бийского округа (алтайские турки), — пишет Самоквасов, — бьют в нарочно на то сделанный род большого бубна, в середине коего изображено подобие болвана, но по-ихнему шайтана, которого и почитают выше бога» [Самоквасов 1876: 9]. Вербицкий говорит: «К бубну алтайцы питают больше уважение, чем к самому шаману, веря, что в бубне живет дух — хозяин его *тунур* — *ѣзи* и что при камлании собираются туда духи» [Вербицкий 1870: 384].

Повреждение бубна, а особенно его рукоятки влечет, по воззрениям этих племен, смерть шамана. Во время жертвоприношений шаман угощает хозяина бубна водкой или жертвенным мясом [Вербицкий 1870: 74; Вербицкий 1884: 384]³². Согласно представлению о хозяине бубна, рукоятка бубна вырезается в виде человеческой фигуры. Такая антропоморфная рукоятка особенно характерна для алтайских бубнов.

Космогонические представления шамана, связанные с бубном.

С каждой деталью бубна постепенно ассоциируется отдельные космогонические представления шамана, и бубен начинает восприниматься им как космическое целое. Так, возвышения на рукоятке бубна понимаются шаманом как горные хребты, через которые ему приходится переходить или перелетать во время скитаний [Катанов 1890: 237; Катанов 1883: 27]. Зарубки на рукоятке осмысливаются как те заметки, которые шаман накладывает на богатой березе, дереве восхождения на небо (мировое дерево) [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2390-1, сагайцы]. Насколько получают значение мельчайшие (л. 25)^{xxv} части бубна, можно судить по описанию

³¹ У бурят *хынгыр-зарин* является хозяином бубна — *хес-эжин* [Петри 1929: 14].

³² Того же порядка и обычай бакшей смазывать свой бубен с внутренней стороны кровью зарезанного животного, перед тем как приступить к сеансу [Гаврилов 1929: 19].

внутренней части бубна у бельтиров (МАЭ, опись колл. № 2164-1). На березовой ручке (а) 12 отверстий малых и 2 больших (б). В эти отверстия шаман проходит, скрываясь от своего преследователя, другого шамана. Около маленьких отверстий пересекающиеся линии (в) обозначают пути шамана. Через два продольных больших отверстия (г) стреляет дух предка шамана. Зарубки (д) отмечают количество духов, помогающих шаману. Два возвышения (е) — горки, на которые шаман забегает, чтобы высмотреть своего противника шамана. Пересекающиеся линии на этих возвышениях (ж) — пути шамана к духам. Колокольцы (и) производят шум, чтобы легче было камлать шаману. В железные привески полые (к) шаман скрывается от противников. Изображения на коже, свойственные бубнам минусинских (качинцы, сагайцы, бельтиры) и алтайских турков (алтайцы, телеуты, теленгиты, тубалары (черневые турки), кумандинцы, шолганы и шорцы)³³, особенно выявляют общее миропонимание шаманов, их представления о своих духах, о местах обитания этих духов и, наконец, о тех путях, по которым шаман совершает свои отдаленные путешествия. Хотя разрисовка нового бубна чаще всего повторяет таковую бубна шамана-предка, от которого новый шаман получил свой дар, все же указания, как нанести рисунки на бубен, дает сам получающий бубен шаман, согласно указаниям, полученным от духа, и потому в такую разрисовку вносятся, несомненно, многие индивидуальности. Вот почему в настоящей работе мы ограничимся рассмотрением лишь основных комплексов изображения, характерных для бубнов турецких племен.

Наносятся изображения двумя красками: духи надземного мира (л. 2б) рисуются белой краской, духи подземного мира и земного — красной. Реже используются 3 цвета: белый — для надземных духов, красный — для земных, по преимуществу получаемых от гор и рек, и черный — для подземных. Точный распорядок не выдерживается. Над чертой, т.е. в небесном мире, изображения бывают и белые, и красные, крайне редко черные. Также смешиваются цвета и для подземного мира. Когда духи изображаются в двойном числе, то половина их рисуется одной краской, другая половина — другой. Некоторые духи обычно наносятся парами (дух муж-

³³ Есть предположение, что и монгольско-бурятские бубны имели разрисовку. «Кожа бурятского бубна была забрызгана чем-то белым» [Агапитов, Хангалов 1883: 43]. На монгольском бубне раньше, видимо, существовали рисунки [Владимирцов 1927: 26]. Сейчас рисунков на коже этих бубнов нет. Изображения на бубнах: алтайцы [Анохин 1924: 55–64 (рисунки); Вербицкий 1870: 65; Потанин 1883, IV: 43–48, табл. IV; Ядринцев 1882: 58]. Телеуты [Анохин: опись колл. МАЭ, № 2014-1]. Шорцы [Андрянов 1881: 45]. Бельтиры [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-1, 4]. Сагайцы и качинцы [Клеменц 1890: 26–34; Катанов 1893а: 27; Катанов 1897: 34; Катанов 1907: 579, 550–552; Катанов 1890: 237–238; Михайловский 1892: 67–68; Майнагашев: опись колл. МАЭ, 2390-1, сагайцы; Катанов 1893b: 539; Суховский 1901, XVII: 150; Яковлев 1900: 58; Тыжнов 1902: 342].

Рис. 7. Бубен. Алтайцы, конец XIX в. (МАЭ, колл. 1853-3)

ского и дух женского пола)³⁴. Горизонтальные линии, пересекающие бубен, делят бубен на две части: верхняя его часть изображает надземный мир, нижняя — подземный. С этими мирами и приходится иметь дело шаману, по ним он совершает свои странствия, в них обитают его духи (МАЭ, колл. № 2199-110 — качинцы), (МАЭ, колл. № 2199-112 — сагайцы), (МАЭ, колл. № 651-10 — бельтиры), (МАЭ, колл. № 2014-1 — телеуты).

Отличия от такого расположения изображений представляют бубны алтайцев (МАЭ, колл. № 653-1) (рис. 7). У них в центре бубна больших размеров рисуется антропоморфное изображение хозяина — *āzi*, и вокруг него размещаются надземный и подземный миры. У них же рисуются на бубнах и сцены жертвоприношений. На некоторых бубнах бельтиров те

³⁴ Краской служит мел, красный камень, часто красная глина или охра. Мешается краска с клеем, иногда наносится при помощи слюны [Анохин 1924: 55; Вербицкий 1870: 65].

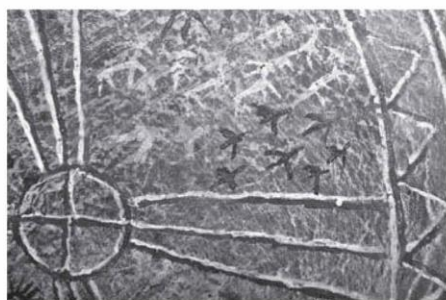
линии, которые в обычном типе разрисовки бубнов североалтайских и минусинских турок образуют полукруг, опоясывают весь круг бубна и представляют собой небо. Кожа бубна разделяется не на две части, а на четыре, причем в центре изображается круг с пересекающимися линиями. Две верхние части бубна образуют верхний мир, нижние — подземный мир (МАЭ, колл. № 2164-1) (рис. 8). Три или две черты, разделяющие

а)

б)

в)

г)

Рис. 8. Бубен. Бельтиры, начало XX в. (МАЭ, колл. 2164-1): а — наружная сторона, б — внутренняя сторона, в — фрагмент росписи, г — прорисовка росписи

верхний мир от нижнего, заполняются треугольниками и называются «слои земли», реже — «пояс гор» (*maǰǰa куру*). Верхняя часть бубна — надземный мир — опоясывается полосой, называемой *тегір-куру/тігір-хуру* (пояс «неба» / небесный пояс), по представлениям некоторых шаманов — Млечный Путь. В промежутках (л. 27) зигзагообразных линий этого пояса вкрапливаются точки или крестики, они считаются звездами. Некоторые шаманы рассматривают этот пояс как небесную дорогу шамана, иногда лестницу, по которым шаман пересекает небо на пути к небесным духам. Верхняя часть бубна (надземный мир) вмещает прежде всего солнце (*күн*), луну (*ај*), утреннюю и вечернюю звезду (*таң чолмон*, *аңар чолмон* — алтайцы, *таң солбан*, *ір-солбан* — сагайцы) и простые звезды (*чылтыс* или *јылдыс*). В правом углу (в бельгирском бубне в обеих верхних частях бубна) помещается одно или два дерева. Это раскидистое дерево, около жилища Кудая, оно изображается под радугой у алтайцев, его ветви упираются в солнце и луну. На ветвях этих деревьев небесная птица *кан-куш* (телеуты) [Анохин: опись колл. МАЭ, № 2014-1, телеуты] или кукушка (минусинские турки) устраивает себе гнездо [Яковлев 1900: 52, минусинские турки: «2 больших дерева, упирающиеся в солнце»; Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-1, бельтиры]. В верхней части бубна изображены небесные птицы, среди них: *кара-куш/кара кус* — орлы (черная птица), *кускун* — ворон, *јѳѳ* — филин, *кас* — гусь и кукушка, число этих птиц различно. Не у каждого шамана есть все эти птицы полностью. Среди них часто особо выделяется одна, а если птиц нарисовано много, то две или три. У телеутов такая птица рисуется больших размеров и называется *јлген кужу бај мјркјт* — «Ульгения птица — большой беркут» [Анохин: опись колл. МАЭ, № 2014-1, телеуты], у шорцев — *Јлгенін јиш кырлык* — «Ульгения три вещие птицы». Изображение гусей на бубне считается всегда необходимым. Только на гусе шаман может возвращаться из мира духов³⁵. Птицы служат посредниками между небесными божествами и шаманом. Только с помощью духов-птиц шаман может совершать полеты в надземные миры³⁶. Изображение, имеющее не менее важное значение, чем птица, — это рисунок коня или реже оленя (иногда бывают оба вместе). Число изображенных коней бывает различно, на этих конях совершает свои небесные поездки шаман, на них же ездят различные духи и сам Ульгень. С одним из этих коней связана жизнь самого шамана — если от (л. 28) кама отнять его невидимого коня, он теряет способность камлать и вскоре умирает [Анохин: опись

³⁵ [Анохин 1924: 14, 76–77; Потанин 1883: 67; Вербицкий 1870: 68], «во время камлания Ульгению кам садится на чучело, изображающее гуся, и представляет себя летящим на высоту, подражая криками гусю». Шорские и сагайские шаманы возвращаются от духов на гусе и подражают ему криками.

³⁶ На лошадях и птицах, изображенных на бубне, шаман совершает поездку за похищенной душой [Суховский 1901, XVII: 150 (минусинские турки)].

колл МАЭ, № 2014-1, телеуты]; у шорцев в таком сивом коне (*ak porat*) заключена одна из душ шамана, конь этот пасется у Ульгения и называется «хранилищем души шамана». Для того чтобы умер шаман, надо убить его коня. Из животных в надземном мире часто рисуется заяц. Заяц играет большую роль в шаманстве турецких племен. Его быстрый бег и белый чистый цвет способствовали тому, что шаманы считают его посредником между людьми, в частности шаманами, и верховными небесными духами, его считают посланником Ульгения [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-4, сагайцы]. Заяц причисляется к чистым духам — *ak m̄s* или *ak m̄s*. Шкура зайца вешается при камлании Ульгению и небесным духам [Анохин 1924: 60 (заяц-самец); Дыренкова 1927b: 42; Майнагашев 1916, III: 101; Катанов 1907, IX: 493; Хангалов 1890: 102, 126; Radloff 1884, I: 271, 332].

Шорский шаман при восхождении к Ульгению привязывает к головной повязке и к бубну кусок заячьего хвоста. На пути к Ульгению алтайский шаман встречает зайца на шестом слое неба [Вербицкий 1870: 4]. Непременно должен присутствовать среди изображений верхнего мира и дух *Kelegej* — заика, он вдохновляет шамана, приводит его в экстаз и защищает его³⁷, причем иногда он же рисуется в виде *amkacy* — стрелка. Изображение стрелка независимо от этого рисуется и в нижнем мире. Под горизонтальной чертой на бубне изображаются те духи, которые населяют земной и подземный миры. Устойчивым и постоянным будут: *улӯг кичі̄г кер шортан* — большая и малая шуки (или *игі кер сортан* — 2 шуки); *улӯг кичі̄г ок чылан* — ящерицы (они же *келіскін* — *kiliskin*; *кер чылан*, иногда также *игі кер чылан* или *кер жылан* — гнедая змея); и *улӯг нака* — большая лягушка. Все эти духи-помощники живут в подземном мире или у хозяина воды. Эти духи необходимы шаману во время его путешествий в подземном мире и служат посредниками между шаманом и духами подземного мира, с одной стороны, и шаманом и хозяином воды — с (л. 29) другой³⁸. Лягушка обычно изображается больших размеров по сравнению с другими животными.

Согласно космогоническим представлениям этих племен, она поддерживает Землю [Потанин 1883: 221, алтайцы; дюрбюты — монголы]. Вместе с этими духами изображается *кер-балык* / *кер палык* — гнедая рыба. Этот дух-помощник получается шаманом исключительно от хозяина воды, он помогает шаману в то время, когда преследуемый им злой дух уползает

³⁷ *Kelegej* у алтайцев принадлежит к семейству Ульгения [Вербицкий 1870: 97, шорцы, сагайцы, телеуты]. Все изображенные птицы, заяц дух *kelegej* и т.д. встречаются шаману на небесных слоях во время путешествия к Ульгению [Вербицкий 1870: 79–98].

³⁸ Шорцы называют этих духов *сугдан келген* — «пришедшие от воды / из воды». По представлениям минусинских турков, видеть во сне змею, ящерицу, лягушку и шуку означает получить неприятность от хозяина воды или гор [Катанов 1883: 541].

под землю или в воду. При некоторых камланиях самого хозяина воды называют *кер балык* — гнедая рыба, чудовище³⁹. Духи-помощники медведь (*улуḡ кічіḡ кара азыḡ*) и волк (*улуḡ-кічіḡ чылаи нөрү* — большой, маленький голый волк) связаны, с одной стороны, с подземным миром, с другой — с далекими тайгами, откуда они приходят от хозяина горы и леса помогать шаману. Дух-волк помогает шаману загонять злых духов, дух-медведь помогает связывать и тащить злого духа. Оба эти духа крайне свирепы. Постоянными для нижней части бубна будут изображения *аткачы* — духа-стрелка (пешего или на коне) — и соответствующего ему духа *алты кылыштыḡ кан оҗлу* — «с 6-ю мечами царский сын». Эти духи защищают шамана, он ставит их во время камлания на страже около порога юрты, чтобы не проникли злые или чужие духи. Эти духи стреляют в нападающих на шамана злых духов и нападают во время борьбы шамана на духов-помощников враждебного шамана. Семь рыжих дев (*четті сарыḡ кыс* или *жетті сары кыс*) рисуются рядом, друг за другом. Они приходят к шаману от хозяина гор⁴⁰. Семь черных людей (*четті кара кіжі* / *четті хара кізі*), антропоморфные духи, являются из подземного мира, от Эрлика. Здесь же рисуется *кара талај кан оҗлы* — «черного водяного царя сын», он считается водяным духом, духом-хозяином промысла со своими зверьми — собаками (л. 30) с отвислыми ушами, и часто изображение самого шамана с бубном и шамана-предка⁴¹. Анализируя разрисовку бубнов, можно видеть, что наиболее видное место в ней занимают изображения духов. Большинство их — звери. Шаман считает своими духами-помощниками многих животных. Но духи, изображенные на бубне, и вообще шаманские духи — в большинстве случаев не только специально шаманские. Это те духи, которых шаман воспринимает из выработанных общих религиозных представлений своего племени. Так, *кер-балык* считается иногда хозяином реки, и его хорошо знают рыбаки, имеющие с ним больше всего соприкосновения, семь рыжих дев — дочери хозяина гор — приходят к охотникам на промысле. Медведь связан с тайгой и подземным миром. Конь играет одну из главных ролей в культе монголо-турецких скотоводческих племен и связан

³⁹ Шорцы. У минусинских турков *ус танмалыт кер палык* или *узан аттыг кер со-ртан* — морское чудовище или морская щука [Катанов 1883, XXIX, IV: 539; Катанов 1907, IX: 557; Радлов. Словарь, т. II, 2 — переводит кер-палык — кит, *der Wallfisch*].

⁴⁰ По воззрениям шамана минусинских турков, они помогают шаману отводить злого духа в сторону, если он мужчина [Катанов 1890, II: 238]. По убеждению шорских и сагайских охотников, эти девы, дочери хозяина леса, приходят по ночам к охотникам, завлекают их и вступают с ними в сексуальные отношения. Они же посылают избранным ими охотникам удачу, пушнину [Дыренкова Н.П. «Вода, горы и лес по воззрению алтайско-саянских турков» (печатается в настоящем томе)].

⁴¹ У минусинских турков изображение шамана-предка носит название *тајкам*, т.е. шамана-дядя по матери [Катанов 1893а: 27]. Возможно, что здесь сказалось значение материнского рода, пережитки которого могут быть отмечены у всех этих племен.

Рис. 9. Бубен. Шорцы, начало XX в. (МАЭ, колл. 5073-3)

с небесными духами и т.д. Но помимо такого довольно устойчивого комплекса изображений духов, у каждого шамана есть, вполне естественно, свои индивидуальные духи. Каждый шаман, присваивая себе знакомых всем духов, дополняет их новыми, созданными его воображением. Многие такие духи плохо осознаются самим шаманом. Есть среди них совершенно чуждые, напр[имер] *кан-кытай* и т.д. Индивидуальными шаманскими духами будут шаманы-предки, естественно, отличные у различных шаманов.

Как мы уже отмечали, бубны не всех турецко-монгольских племен имеют разрисовку. Соответственно разрисовке духов на коже бубна может быть отмечен обычай привешивать изображение духов — обычно в форме животных — к обечайке или тетиве бубна. На якутском бубне (МАЭ, колл. № 3758-154) металлические привески в виде птиц с распростертыми крыльями и рыб изображают духов-помощников шамана, дающих ему возможность летать в надземном мире и переплывать водные пространства в подземном мире или по дороге туда (рис. 9) На бубне шорцев также привешена металлическая (л. 31) фигура птицы. И еще более отчетливо выявляется это представление на бубне Минусинских турок: к его рукоятке привязывается 2 когтя ястреба, того самого, который, по убеждению шамана носит его на себе, во время полета в мир духов (МАЭ, колл. № 651-31a) [Катанов 1893b: 27].

[Золотыми листьями богатая береза]^{xxvi}. Среди изображений на шаманском бубне неизменно являются рисунки двух берез в правом углу нижней части бубна (в верхней половине бубна они могут отсутствовать). Эти березы — «с золотыми листьями богатые березы» — корнями уходят в подземный мир, а вершиной достигают небесных пространств. Реже ветви изображенных на бубне берез обращены вниз. Дерево обычно имеет крайне существенное значение в комплексе представлений шамана, связанных с бубном. Как мы увидим ниже, для бубна выбирается специально для него предназначенная береза, при камлании над новым бубном шаман обращается к этому дереву. Зарубки по верхнему краю рукоятки бубна осмысляются как зарубки, которые шаман делает на развесистой березе, во время восхождения на небо [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2390-1, сагайцы]. Орнамент угольчато-пересекающийся на рукоятках бубнов повторяет изображение веток двух богатых берез, нарисованных на коже бубна алтайско-минусинских турков⁴². Наконец, как только что было отмечено, необходимым изображением на бубне являются две березы — «богатые березы»⁴³. По этим «богатым березам» шаман поднимается на небо [Майнагашев: опись колл. МАЭ, № 2164-4, бельтиры]. Под их ветвями он отдыхает во время своих странствований и полетов [Катанов 1893а: 539]. К ним же он привязывает во время остановок в далеком пути своего коня [Катанов 1893b: 27]. В березе, связанной с приготовлением бубна, его разрисовкой и обрядом получения бубна, отразилось представление о шаманском дереве, с одной стороны, и представлением о шаманском дереве — с другой. Значение дерева (л. 32) в легенде о первом шамане и в шаманстве вообще в связи с культом орла у сибирских народов освящено в прекрасной работе покойного пр[офессора] Л.Я. Штернберга. Приводя свидетельства Васильева о якутах, Л.Я. Штернберг пишет: «При создании первого шамана *А́йы-То́йн*^{xxvii} вырастил у себя во дворе, против дверей своего жилища, священное дерево с восемью разветвлениями, на котором между его ветвями обитают светлые духи-люди, дети самого творца. На земле же одновременно с этим *А́йы-То́йн* вырастил 3 дерева и, сидя у их основания, приготовил первому шаману все камланные принадлежности и научил его, как нужно действовать на пользу человека в борьбе с враждебными духами. В память этого у каждого шамана есть здесь, на Земле, свое шаманское дерево, которое вырастает при призвании его к шаманству и падает за его смертью. Не тем является *түснәт турй* у жилища Творца, которое никогда не стареет и не разрушается» [Штернберг 1925: 724–725; Васильев 1910b: 18].

⁴² Особенно отчетливо [это видно] на фотографии бубнов Минусинского музея [Клеменц 1890: табл. 3, 7].

⁴³ По мнению алтайцев, согласно записям Анохина [Анохин 1924, 2: 56], они являются изображением той березы, из которой делается рукоятка бубна.

Исходя из этого ярко выявленного двойного представления о дереве, мы и должны подойти к значению дерева для шаманского бубна, дерева, из которого бубен сделан и которое на нем изображено. С шаманским деревом прежде всего связано получение шаманских принадлежностей. У всех турецко-монгольских племен шаман получает свои атрибуты, вырезая их из дерева или отламывая от дерева ветку. Каждое такое дерево вырастает специально для шамана и предназначается на бубен или трости определенному шаману. Приметы такого дерева строго определяются духами для каждого шамана. Поранение этого дерева или его засыхание предвещает смерть самого шамана, вот почему стараются вырубать рукоятку, обод бубна и трости, особенно осторожно, чтобы не повредить дерева. Поломка бубна, сделанного из такого шаманского дерева, влечет заболевание или смерть шамана. При перемене бубна старые бубны (л. 33) складываются или вешаются на дерево. При погребении шамана бубен вешается также на дерево. У бурят останки сожженного умершего шамана, положенные в мешок, вкладываются в выдолбленное углубление дерева, которое носит название шаманского и считается местопребыванием умершего [Агапитов, Хангалов 1883: 55; Сидоров 1873: 470; Шашков 1879: 114]. После смерти душа шамана имеет возможность перейти в это дерево, которое потому и считается неприкосновенным. Представление о мировом дереве нашло свое выявление в обрядах восхождения шамана на небо и в обрядах разрисовки бубна. Согласно представлениям турецко-монгольских племен, священная густолистая береза растет в пупе земли и достигает своей вершиной до самого Ульгения, или эта семиствольная береза растет на железной горе, на середине земли. Она увязывается со священной горой Сүмер и с озером *сүмүг көл*, расположенными во владениях Ульгения [Schiefner 1859: 62; Radloff 1862, II: 602; Катанов 1907, IX: 551]. Эта священная береза неразрывно связана с жилищем верховного небесного божества *Айы-Тоңи*'а, Ульгения алтайско-саянских турков. Она имеет свои корни в подземном мире, верхушкой же достигает обители Ульгения, или мыслятся две березы, из которых одна помещается в подземном мире, другая — поднимается от земли, или эта береза имеет корни в ограде Тазыхана, живущем по небесной дороге к Ульгению^{xxviii}. Вот почему в молитвах Ульгению всегда упоминается и эта богатая развесистая береза⁴⁴. (л. 34)

⁴⁴ Согласно воззрениям шорцев, одна из нарисованных на бубне берез называется зимней — *кыскының* (*кышкының*) *казың*, другая — летней — *чајбының*. На самом деле они обе как одна и «растут из земли, занимая собою весь мир. От земли начинаются их корни, вершина достигает жилища Ульгения. Ветки их срослись, перепутались, стали березы, как одна». Зимняя береза дает снег. Достаточно в то время, когда не бывает снега, подняться каму и гусиным перышком дотронуться до ее ветки, как на землю хлопьями посыплется снег. Летняя береза дает дождь. Когда надвигаются тучи, и от туч будто бы полосы дождя — это, по представлениям шорцев, не от неба идут полосы, а от той бере-

Это же дерево мыслится иногда в виде золотого столба в центре земли, около золотого водопоя [Катанов 1907: 551–555]. Различные духи обитают и отдыхают под тенью его развесистой верхушки, птицы-духи помещаются на его ветвях, а небесные кони пасутся около его ствола [Катанов 1907: 492, 487, 563; Катанов 1893а: 538; Катанов 1897а: 26]. По этой березе шаман совершает свое восхождение в небесный мир, вот почему большинство обрядов, а особенно обряд посвящения шамана, связано с наличием березы, естественно, растущей, или срубленной, или вывернутой с корнями и перевезенной к месту совершения обряда [Агапитов, Хангалов 1883: 48; Хангалов 1890: 102; Яковлев 1900: 101–102, 103, 105–108; Катанов 1907: 381, 505, 574 и т.д.; Майнагашев 1916: 95; Клеменц 1884b: 23–25; Швецова 1898: 15; Малов 1909а: 3]^{45xxix}. Особенно наглядно подчеркивают значение березы как мирового дерева и как дерева восхождения шамана на небеса зарубки по числу небесных слоев, которые делаются на ее стволе, также зарубки делаются на лестнице или столбе, заменивших дерево^{46xxx}. Все обряды, связанные с получением бубна, необходимо требуют такой березы. Эти же березы, как мы видим, изображены и на коже бубна.

Получение бубна. Бубен приобретается шаманом не сразу после начала служения. Дух, избравший шамана, чаще всего шаман-предок, указывает и время приготовления бубна, и все особенности последнего. Указания сделать бубен может дать и Эрлик, Ульгень и духи гор. Бубен, полученный от *ару тӧс* — духов гор, у алтайцев считается дарственным, почетным. У шорцев особенно уважаются шаманы, получившие бубен от Ульгения. Наиболее ярко выявляется в представлениях алтайско-саянских турков момент получения бубна от хозяина горы. В доме хозяина горы, т.е. в горе, шаман видит во время видений подвешенными множество бубнов и из них выбирает или сам, или дает ему по своему усмотрению. У шорцев и сагайцев те горы, от которых шаманы получают бубны, называются *тӱр тутчыбан таӑ* — «гора, держащая бубен» (л. 35) или *тӱрпӱӑ таӑ* — «гора с бубнами». Шаманы же о получении такого бубна говорят *таӑдаң алчабыс*,

зы. Называются такие полосы «небесный пояс» — *тегринің куру*. По березе, как во время камлания, поднимается к Ульгению. (Далее вычеркнуто название поселка «Сыркаш». — Прим. сост.)

⁴⁵ Такую березу заменяют деревянные столбы или лестницы с птицами наверху (МАЭ, колл. № 1853–27, алтайцы; № 3758–26, якуты). Заменой дерева является *туӑ* — знамя у племен восточного Туркестана [Малов 1918, XXV, I: 6, 11; Ольденбург 1918, V, I: 17]. Название поставленного дерева у желтых уйгуров — «небеса», «Млечный Путь» и т.д. — выявляет связь его с небесными сферами [Малов 1914, I: 65–66].

⁴⁶ Шорцы. Телеуты. Анохин. Рукопись, цитированная Л.Я. Штернбергом [в работе] Избранничество в религии // Этнография. 1927. Кн. II. С. 24 — «Восходя по тапты (ступени) винтообразным зарубкам шаманского дерева». [Вербицкий 1870: 66, 86]. Потанин. Инородцы Алтая. Живопись. Рос. [1884] Т. XI. С. 264.

т.е. «берем от горы». О бубнах, полученных из горы, от духа гор, упоминают и алтайцы [Анохин 1924, 2: 50]. Качинский шаман, войдя в гору, видит повешенный в ней медный бубен его бабки по матери [Катанов 1907: 284]. Приказания от духов сделать бубен всегда настоятельны. За нежелание приготовить бубен или за промедление духи мучают шамана, посылают на него болезнь [Анохин 1924: 33, 49] (шорцы, сагайцы, алтайцы). Они же до мельчайших подробностей объясняют шаману, какой именно бубен он должен сделать; указывают, какое необходимо дерево, где это дерево растет, особенности этого дерева. Какое нужно заколоть животное для обтягивания бубна и мельчайшие приметы этого животного: размер бубна, его рисовку, количество металлических подвесок, и устанавливают срок служения каждого бубна. Внешний вид бубна, указанный духами, является обычно повторением бубна шамана-предка [Санджиев, рукопись; Анохин 1924: 49].

Руководствуясь указаниями духа, шаман в сопровождении группы мужчин отправляется в тайгу выбирать дерево для обечайки и рукоятки бубна. Иногда отправляются одни родственники без шамана. Дерево бывает указано духом настолько точно, что его находят очень быстро. Береза, предназначенная для шаманского бубна, должна иметь или очень густую и ровную вершину, или 3 отдельных ствола. Из одного из этих стволов и вырезается ручка бубна таким образом, чтобы не засохло само дерево. Если дерево срубают, то стараются, чтобы оно свалилось на восточную сторону. С такими же предосторожностями срубают и иву для обечайки. Березовую губу (гриб, нарост на дереве) для резонаторов бубна сшибают палками и ловят в полы одежды, чтобы она не коснулась земли⁴⁷. Береза, выбираемая алтайцами для рукоятки бубна, должна быть чистой, без повреждений, она должна расти вдали от жилья, так, чтобы к ней не подходил скот и чтобы до нее не касалась рука (л. 36) человека. Такие же требования они предъявляют и к кедру, идущему на обечайку [Анохин 1924: 51]. У якутов деревом, предназначенным для обечайки бубна, служит лиственница, развесистая, с пучкообразно расходящимися вверх ветвями [Васильев 1910b: 45]⁴⁸, или же лиственница, выросшая наклонно и издающая скрип. Если у лиственницы 3 ствола, то такое дерево может идти на бубен только знаменитому шаману. Белые шаманы делают бубен из дерева, наклоненного на восток, черные — из дерева, наклоненного на запад. Каждое такое наклоненное дерево предназначается одному шаману и вырастает специально для него [Попов 2006: 65, 356 (сноска 71)]. Перед тем как срубить найденное дерево, якутский шаман надевает на него свой костюм, и закалывает около него скотину, и, совершая камлание, кропит дерево или

⁴⁷ Шорцы, сагайцы березу не срубают, а раскалывают надвое [Катанов 1907: 586].

⁴⁸ Это является тем деревом, которое изображено на шаманском костюме.

Рис. 10. Бубен. Якуты, конец XIX в.
(МАЭ, колл. 3758-154)

обливает корни его кровью убитой скотины и вином [Васильев 1910б: 45]. У алтайско-саянских племен иногда совершают выбранному дереву кропление водкой. Животное, шкура которого идет на обтягивание бубна, должно быть без пороков и непременно мужского пола. Бубен делают мужчины, по преимуществу родственники. Наносят рисунки особые зна-токи этого дела (рис. 10).

Вновь сделанный бубен считается черным, нечистым — *кара*⁴⁹ — и требует освящения или «обеления» его у бурят (*сабалха* или *амилха*, в точном переводе означает ‘дать жизнь’) и «оживления» у шорцев, сагайцев, алтайцев и якутов. Обряд этот совершается во время первого камлания с бубном. У бурят при обряде оживления бубна на нем делаются изображения кровью сердца того животного, от которого взята шкура на бубен [Санджиев, рукопись]. У якутов обмазывается кровью заколотого животного ручка бубна и его железные привески [Попов 2006: 65]. У оседлых узбеков Туркестана при освящении нового бубна колется баран, шкура которого идет на обтяжку бубна, а кровью проводится круг на нем [Троиц-

⁴⁹ Шорцы, алтайцы, сагайцы.

кая: 1925: 151^{xxx}]. Алтайский шаман окуривает новый бубен при чтении молитв зажженным можжевельником и затем кропит молочной водкой. И только (л. 37) с этого момента бубен делается священным [Анохин 1924: 51; Вербицкий 1884: 384]⁵⁰.

Если считается опасным даже неосторожное прикосновение к бубну шамана вообще, то в «черный» бубен, т.е. в бубен до его освящения или оживления, может ударять каждый сколько вздумает. Накануне обряда оживления бубна у алтайских и минусинских турков съезжаются родственники и близкие знакомые шамана, привозят вино и всю ночь угощаются, поют, гуляют. Каждый берет по очереди бубен и ударяет в него, подражая шаману. Исключение^{xxxi} составляют только женщины. Обряд оживления бубна, называемый *tipgizerge* (шорцы, сагайцы; ‘оживить’, ‘сделать живым’), аналогичный бурятскому *амилха* (‘дать жизнь’, ‘превратить в живого коня’), наглядно выражает основную идею — оживить то животное, шкура которого пошла на бубен, овладеть душой этого животного и вселить ее в бубен, чтобы сделать последний послушным верховым животным шамана. Обтягивая бубен шкурой оленя, оживляют оленя, если обтягивают шкурой коня, то оживляют коня. Перед тем как оживить шкуру животного, шорский и сагайский шаман совершает оживление дерева, которое пошло на рукоятку и обечайку бубна, брызгая абырткой на эти части бубна. Но предварительно шаман должен проследить судьбу этого дерева, как оно выросло, сколько лет росло, как стояло на морозе, как обмывал его дождь и т.д. Якутский шаман при оживлении обращается к дереву, из которого сделана обечайка, говоря: «Из выросших на спине Вселенной семи деревьев-однолеток ты рос с восьмью извилистыми ветвями, ивовой тростью, со стелящимся около земли передом, направляясь к востоку, спиной к западу, на загровке вселенной, назначаясь знаменитому шаману, желая стать круглым бубном» [Попов 2006: 354]⁵¹. Наиболее сложным является [оживление] оленя и лошади. Предварительно шаман прослеживает жизнь этого животного, начиная с его раннего детства до его убийства. Он должен обойти все места, где проходило когда-либо это животное, где оно кормилось, и собрать все его остатки, даже мельчайшие выпавшие у него волосы. Прослеживая жизнь животного, шаман подробно передает все присутствующим, подражая движениям и крикам животного. Самое трудное для шамана — это овладеть душой этого животного.

Обряд поимки души разыгрывается шаманом (л. 38) как поимка самого животного и продолжается много часов подряд, а прежде продолжался иногда и несколько дней. При оживлении бубна, обтянутого шкурой оленя,

⁵⁰ Вербицкий: «Изготовленный бубен освящается особым образом при собрании народном, жертвоприношении и общей попойке».

⁵¹ Обращается к бубну, говорит: «Ты могучее, отважное, выгнутое дерево».

и шаман подражает охоте на оленя [Потанин 1883: 49], при оживлении бубна, обтянутого конской шкурой, подражает поимке лошади. Во время такого камлания сагайский шаман и его духи идут за лошадью, ищут ее следы. Будто бы находят их и снова теряют. Приблизившись к лошади, шаман делает движение, как бы посыпает соль, овес, манит животное, ржет, подражая коню. Затем, затаив дыхание, выжидает. Вдруг бросается — ловит лошадь. Этот момент считается наиболее опасным: лошадь может вырваться и убежать. Вот почему строго запрещается смеяться в это время, переговариваться между собой и даже не разрешается смотреть в сторону шамана. Духи помогают всячески шаману ловить животного. Они спорят один перед другим, кому закидывать веревку на животное, ругают неудачника, хвастаются друг перед другом своей ловкостью. После долгих выжиданий, неудачных попыток поймать животное шаман якобы схватывает лошадь-бубен (все это проделывается с бубном), откидывает его. Последний, т.е. бубен, будто бы лягает шамана, словно конь. Шаман бьет бубен-коня, старается сесть на него верхом, пытается засунуть ноги в воображаемые стремяна бубна. Садится верхом на бубен, скачет на нем, ударяет его сбоку колотушкой. Конь-бубен старается сбить шамана, сбросить его. Но шаман в конце концов покоряет коня, овладевает его душой, которая уже сама в будущем повезет шамана во время путешествия. Алтайские шаманы также, прежде чем камлать с новым бубном, должны предварительно выследить зверя, из шкуры которого сделан бубен, т.е. разузнать, где он бегал, где жил, где кормился. Причем во время камлания шаманы рассказывают историю этого зверя. Иногда эти выслеживания продолжаются у них до 3-х дней [Потанин 1883: 49]. У якутов шаман должен убить душу животного, шкурой которого обтянут бубен, он должен сделать это животное безопасным. Во время камлания он делает движение, как бы схватывая душу. Зажав ее в кулак, кладет ее в рот и разжевывает, затем выплевывает на крестовину бубна, лижет (л. 39) кожу бубна, трется о бубен щекой, говоря: «Ты стал грозным, звенящим бубном. Твою мать душу разжевал, съел, скушал. Ты удалой, знаменитая, прославленная вещь, ты, однако, станешь животным для разездов верховой лошадью». Побегденную душу якутский шаман вселяет в свой бубен, обращаясь к ней: «Я убиваю мать-душу этой вещи, причисляю ее к кусочкам; к железным привескам зачисляясь, к бубенцам приспособляясь, колокольцом отвлекаясь, к побрякушкам приучаясь. На крестовине удерживаясь, снабжаясь 9-ю выступами и оглушающим шумом, постарайся сделаться счастливым бубном». Причем во время этого обряда шаман бодает бубен, подражая быку, мычит, трижды обходит бубен на четвереньках, говоря: «Должен я твою мать-душу бодать, колебать, обратившись в олененка с одним звездным рогом. Вот я забодаю, обратившись в быка яблочной масти» [Попов: 2006: 355]. У якутов шаман, сняв шкуру с убитого оленя для своего бубна

и съев со своей семьей его тушу, делает из дерева изображение этого зверя и стреляет в него из винтовки, причем с другой стороны изображения вырезает обратно [Васильев 1909: 269]. Оживив свой бубен, шаманы алтайских и минусинских турков предпринимают первое путешествие к духам, которым они должны показывать свой новый бубен.

Прежде всего бубен должен быть показан хозяину горы; так, в Кузнецкой тайге шорские шаманы обычно показывают бубен Мустагу (наиболее высокая гора); в юго-западной части Енисейской губ[ернии] сагайцы показывают горе Кобес. Горные осматривают бубен, измеряют его размеры, ударяют, пробуя силу бубна, часто бывают недовольны бубном и ругают шамана за малейшие неточности в его выполнении⁵². Гора Карабур, напр[имер], всегда сердится на Кама и требует большей шкуры на бубен, находя, что бубен мал, причем шаман убеждает хозяина горы, что нет марала большего размера [Вербицкий 1885: 340]. После хозяина горы бубен показывается Тазы-хану, живущему по дороге к Ульгеню. Некоторые шаманы от Тазы-хана, в ограде которого помещаются (л. 40) корни «богатой березы», поднимаются к Ульгеню, который также осматривает бубен. Иногда на третий день шаман отправляется с бубном и к Эрлику. Сагайцы представляют, что кам на бубне прилетает к Эрлик-хану и кланяется ему [Клеменц 1884b: 7]. Помимо только что отмеченных обрядов при получении бубна, в некоторых районах Кузнецкой тайги у шорцев⁵³ совершается шаманом при первом камлании с новым бубном перед восхождением к Ульгеню, называемом *Ўлгенге шыбарча* («подниматься к Ульгеню») или *камба шыкча* (вошел в шаманы; стал шаманом), обряд «сватание бубна», подражающий обычному сватовству и похищению невесты. Аналогичный обряд не отмечался среди других турецких племен и имеет аналогию лишь в «свадьбе шамана» [использовано в работе: Штернберг 1927: 20].

Перемена бубна. Шаман переменяет бубен, или, вернее, кожу на нем, по истечению указанного духами для каждого бубна срока служения (так, у шорцев, сагайцев обычный срок для пользования бубном — 3–5 лет) или по мере изнашивания бубна (алтайцы, якуты). Если кожа прорывается, то на прорванное место нашивается заплатка или наклеивается шкурка при помощи обыкновенного клея. По мнению большинства шаманов, прорыв кожи, а особенно поломка бубна влечет за собой заболевание шамана, часто даже смерть. Шорские и сагайские шаманы, прорвав кожу бубна до истечения назначенного срока, могут поставить заплатку на бубен, лишь испросив разрешения духа. Если они ломают бубен раньше срока, то

⁵² Во время показывания бубна сагайским шаманом горный сильно ругал его за то, что забыли нарисовать на бубне гуся, который является одним из наиболее важных духов-помощников.

⁵³ Улус Усть-Мрас-су при впадении р. Мрас-су в реку Томь.

испрашивают разрешение сделать новый, а чаще всего должны бывают камлать только с одной колотушкой до истечения срока и в этот период не имеют права «ходить к Ульгеню», т.е. совершать камлание ему.

Железные части бубна и его рукоятка никогда не переменяются^{xxxii}. У алтайцев остов бубна не переменяется, а сменяется лишь шкура. Старую шкуру, снятую с бубна, уносят в лес и оставляют на суку дерева [Анохин 1924, 2: 51]. У шорцев переменяются и обечайка, и кожа (оставляется (л. 41) рукоятка лишь и железные подвески). Старый остов уносится как можно дальше от жилья, в лес, и прячется в дупло или в развилину дерева с таким расчетом, чтобы никто не знал местонахождения бубна и не смог пошевелить бубен. Обычно все бубны, сколько бы их ни переменял шаман в течение своей жизни, складываются в одно дерево. Насколько необходимо для шамана защищать бубен от посторонних прикосновений, ясно из рассказа шорского шамана⁵⁴. Этот шаман повесил бубен не особенно далеко от жилья. Ребята нашли его, вытащили и стали ударять в него, подражая шаману. В этот момент *тöс'ы* — духи шамана — накинулись на него и принялись его душить. Шаман с большим трудом добежал до места, где повесил свой бубен, и отнял его от детей. Если бы он не успел отнять бубен, то духи задушили бы его. У якутов установленных сроков употребления бубна нет. Износившийся бубен относится с заново сделанными металлическими частями. У бурят шаман просит сделать ему новый бубен тогда, когда он заболевает. Заболев, шаман приглашает старого шамана и просит его камлать. Во время камлания старик-шаман узнает, что предок-шаман, передавший своих духов болящему шаману, велит ему сделать новый бубен. Последний и изготавливается по указанию этого духа. Старые бубны никуда не уносятся, а складываются в шаманский ящик и лежат там до смерти шамана. У некоторых шаманов скапливается до 9-ти и больше бубнов [Санджиев, рукопись]. Обычно шаманы в каждый данный момент имеют один бубен, с которым и совершают все камлания. Алтайские шаманы делают иногда два бубна, храня их оба в своей юрте. Одним они камлают, а другой стоит без употребления и остается висеть в юрте и после смерти шамана, передаваясь по наследству, до тех пор пока не изветшает и не будет заменен новым [Анохин 1924: 52]. У якутов некоторые шаманы имеют по 2 бубна. Перед началом камлания духи этих бубнов спорят между собой, который бубен возьмет шаман на камлание. Большой по (л. 42) размерам бубен употребляется при серьезных заболеваниях и больших камланиях, маленький — при обычных молениях⁵⁵. У бурятских шаманов скапливается до 9-ти бубнов и больше. Обычно шаман камлает с последним бубном. Если во время камлания он обращается к тому покойному

⁵⁴ Ныне умерший шаман Володька в Ак-кöl в устье реки Мрас-су.

⁵⁵ Число бубнов у якутов произвольно [Попов 1886: 134].

шаману, чье *утха* (чьи духи он получил), то он берет бубен, соответствующий *утха* этого духа. К своим духам он обращается со своим бубном [Санджиев, рукопись]. Некоторые свидетельства говорят о том, что древние шаманы имели по несколько бубнов. Так, татарский шаман^{xxxiii}, по сообщению Шашкова, имел 9 бубнов [Шашков 1864: 86]. Такое же количество бубнов имели и прежние алтайские шаманы [Анохин 1924, 2: 125].

Бубен после смерти шамана. Бубен, за исключением бубнов фолбин-ных оседлого населения Туркестана, не переживает своего хозяина шамана, не переходит по наследству, как это практикуется с кобысом у казахских баксы [Алекторов 1900: 31–32]⁵⁶. У сибирских турков и бурят после смерти шамана кожа бубна прорывается, прорезывается или вдавливается, причем у рода Калар перед выносом тела умершего шамана из юрты другой шаман ударяет три раза колотушкой [в] бубен, разрезает кожу на нем и говорит: «Он умер, исполняя призыв Эрлик-хана». После этого этот же шаман несет бубен на кладбище [Катанов 1894: 126]⁵⁷. У бельтиров приглашенный шаман разламывает бубен, колотушку умершего шамана и разрывает ленты на бубне, говоря собравшимся: «Пришла к нему смерть, и он умер». Поскольку эти слова произносятся в момент разбивания бубна, они должны иметь целью оповестить не столько собравшихся, сколько духов умершего шамана о смерти последнего. Разламывая бубен, приглашенный шаман предоставляет духам свободу покинуть умершего владельца бубна. Зависимость жизни и благополучия шамана от целостности его бубна, поддерживаемая при жизни шамана, здесь, в момент его смерти, получает свое завершение: (л. 43) с прекращением жизни шамана — ломается и его бубен (рис. 11) Разорванный или поломанный бубен вешается около могилы шамана на растущее дерево [Анохин 1924: 52 (алтайцы); Вербицкий 1984: 384; Катанов 1907: 550, 553 (бельтиры); Катанов 1894: 121 (бельтиры), 126 (сагайцы); шорцы; Каратанов, Попов 1884: 631 (качинцы); Каратанов, рукопись: 20 (качинцы); Островских 1895: 345 (минусинские турки); Катанов 1891: 17 (карагасы); Петри 1928b: 72; Серошевский 1896: 619, 644 (якуты)] или на специально поставленном шесте или дереве [Адрианов 1881a: 335; Катанов 1894: 123 (сагайцы); Катанов 1907: 607 (карагасы)]. Реже его кладут вместе с телом умершего на лабазе (деревянном помосте) [Орфеев 1886a: 112 (минусинские турки); Каратанов, Попов 1884, XX: 631 (качинцы); Соловьев 1876: 414; Попов 2006: 46 (якуты)] или зарывают рядом с гробом в могилу [Катанов 1891: 17 (карагасы)], или относится

⁵⁶ «Этот кобыс принадлежал моему деду и отцу; у меня он уже 30 лет, а всего ему больше двухсот лет, от времени он почернел, как воронье крыло».

⁵⁷ Род Калар входит в состав шорцев Кузнецкой тайги, а также в состав сагайцев Хакасского округа.

Рис. 11. Роспись шаманского бубна.

Алтайцы (?), 20–30-е гг. XX в.

Фото автора (АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 207)

в лесную чашу и вешается там на дерево [Вербицкий 1884: 384]. Надо заметить, что у бурят параллельно с развешиванием бубнов на деревьях практикуется обычай сжигать их вместе с умершим шаманом, причем пепел кладется в дерево [Санджиев, рукопись]. У шорцев и сагайцев бубен сжигается в крайне редких, исключительных случаях, когда семья ни в коем случае не хочет иметь в своем роду когда-либо шамана. Обычно бубен стараются привязать к тому дереву, которое долго не сохнет, так как чем скорее засохнет дерево, тем быстрее разойдутся духи искать нового шамана, и кто-нибудь из рода умершего принужден будет камлать. От этого дерева не разрешается сорвать ни одной ветки с целью удержать хозяина бубна около могилы шамана. Стараются привязать бубен к дереву как можно крепче. Страх перед бубном умершего шамана доходит до паники — особенно для других шаманов. Прикосновение к такому бубну влечет неминуемую болезнь [Катанов 1907: 551 (бельтиры)]. Только в последнее время якутские молодые шаманы (правда, редко) (л. 44) стали брать бубны умерших шаманов для собственного употребления. Последний обычай объясняют высокой ценой железных частей бубна (якуты). У алтайцев, шорцев и сагайцев в тех семьях, где хотят иметь нового шамана или где уже появился таковой, хотя бы еще ребенок, выявляющий призна-

ки полученного шаманского дара, оставляют железные подвески бубна и даже всю поперечную железную перекладину с подвесками в уверенности, что духи умершего шамана придут скорее и охотнее на знакомый призывной звон привесок и хозяин бубна (второй), которым шаман не камлал при жизни, переходит после его смерти по наследству. Некоторые семьи по завещанию умершего шамана делают новый бубен и ставят его на обычном месте в юрте [Анохин 1924: 52]⁵⁸. В виде маленьких бубнов делаются изображения умерших шаманов у алтайцев, сойотов и бурят. (л. 45)

Замена бубна: колотушка. Необходимой принадлежностью бубна, за исключением бубнов Туркестана, служит ударная палочка — колотушка. Она же служит и заменой бубна. Начав свое служение, шаман прежде всего получает колотушку⁵⁹. Колотушку готовят часто уже тогда, когда еще шаман болеет той специфической болезнью, которую на него насылают духи. С одной колотушкой шаман камляет вплоть до того момента, когда духи разрешат шаману сделать бубен, иногда целый год, а часто и много дольше. Некоторые шаманы выполняют свое служение в течение всей жизни с одной колотушкой, без бубна⁶⁰. Колотушка заменяет шаману бубен и после получения последнего, шаман часто камляет, держа в руках только одну колотушку и ударяя ею по руке. Палка, кусок кости, или рога, или звериная лапа служат шаману для ударов по бубну или трещотке. Они образуют, таким образом, постоянную колотушку.

Для большего звона и шума к колотушке, в свою очередь, привязывают колокольцы и металлические кольца. Подобно бубну, к ней прикрепляются и матерчатые привески (*жалаба, чалаба*)⁶¹ и звериные шкурки. Шаман одевает колотушку при помощи ременной петли, укрепленной на ее рукоятке, на руку, чтобы не выронить колотушку во время камлания и не рассердить этим духов. Если во время камлания колотушка выпадает из рук шамана, то духи расходятся от шамана и ему бывает трудно их вновь собрать. За подобную неосторожность духи сильно бранят шамана. Колотушка всегда небольших размеров. По форме она представляет собою или слегка удлинненную палочку или чаще округло-вогнутую лопатку, напо-

⁵⁸ «В аиле алтайца, отца шамана Моштой старика, — старый бубен предка-шамана үлүп'а. Он передается по наследству десятому шаману-Моштой по линии матери. Шестьдесят лет назад он был заменен новым, а изветшавший бросили в лес» [Анохин 1924: 138]. «Иногда бубен с почтением сохраняется в юрте родственников умершего шамана» [Вербицкий 1884: 384].

⁵⁹ «В легенде шорцев рассказывается, что колотушка спускается шаману с неба» [Клеменц 1890: 35].

⁶⁰ Такие шаманы не всегда имеют право камлать Ульгеню.

⁶¹ Последние, как и звериные шкурки, служат бичами для отражения злых духов [Катанов 1890: 239; Катанов 1893: 31].

минающую лапу⁶². Колотушка делается из рога оленя или лося (л. 46) или из дерева, обычно березы, и обтягивается шкурой зайца, камусом козы, марала, реже шкурой домашних животных. Иногда на рукоятку идет таволжник, также обтянутый заячьей шкурой. У алтайцев колотушка *орбу* делается из молодой березы и обшивается шкурой с ног животного [Анохин 1924: 62] или из таволги, обтянутой войлоком и шкурой соболя, горностая или зайца [Вербицкий 1870: 65]. В северном Алтае — у шорцев и шалганов — колотушка обычно из таволги, обтягивается шкурой белого зайца, пойманного без помощи собаки. У минусинских турок, у таежных (лесных) для колотушки выбираются таволги, у степных, включая и бельтиров, обычно берется береза. Обшивается колотушка шкурой зайца [Катанов 1890: 239; Катанов 1907: 550, 553, 586; Катанов 1893b: 31]. У них же встречается колотушка из кости, оклеенной кожей козы или лося [Яковлев 1900: 55; Суховский 1901: 149; Тыжнов 1902b: 343]. У сойот колотушки делаются или из дерева, оклеенного маральей шкурой [Островских 1927: 5] или шкурой дикого козла [Потанина 1895: 55], или из маральего рога или кости [Катанов 1893b: 31; Яковлев 1900: 105]. Колотушка карагасов может быть из кости рога лося и из дерева [Катанов 1907: 600]. У якутов она делается из дерева или рога лося и обтягивается кожей с кобыльих или оленьих ног [Серошевский 1896: 635; Васильев, Пекарский 1910, I: 114] (рис. 12). В старину якуты делали колотушки всегда из березы, дерева *аҕы* (священного дерева) [Попов 2006: 65]. (л. 47)

У монголов колотушкой служит волчья лапа или деревянная палочка, обтянутая козлиной шкурой [Поппе]^{xxxiv}. У бурят колотушка обтягивается лосиной шкурой [РЭМ, колл. № 1286-50; Радлов 1893–1911, т. II: 1077]. Название колотушки *орба*, *орбу*, *орбы*, *орбак* постоянно лишь в группе алтайско-саянских турок [Вербицкий 1884: 221]. У якутов колотушка называется *булājah* или *былājah* [Пекарский 1916: 58]. У монголов — *билотабур* [Владимирцов 1927, II: 26], у бурят — *олбыр* [Санджиев, рукопись].

Иногда на колотушке делается какое-либо изображение. Так, например, на колотушке у сойотов отмечено изображение дерева с сидящей на вершине птицей [Яковлев 1900: 105]. Иногда ручка колотушки вырезывается в виде животного. У якутов представляет собой голову волка [Попов 1886: 134], который является, видимо, духом-помощником шамана и духом самой колотушки [Ксенофонтов 1928: 23, 27, 38, 42]. Этого духа волка шаман угощает при камлании. Согласно якутской сказке, колотушка воет

⁶² У алтайцев, например, внутренняя сторона колотушки называется *алакан* — ладонь [Анохин 1924: 62]. В данном случае проводится аналогия с ударяющей рукой. Якутский шаман ударяет по бубну собачьей или оленьей лапой [Львов 1847: 154]. Монгольский шаман для колотушки берет лапу волка [Поппе].

Рис. 12. Бубны на дереве около погребения шамана. Алтайцы (?), 20–30-е гг. XX в.
Фото автора (АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 207)

по-волчьи [Пекарский, Васильев 1910, I: 115]. У бурят в деревянной колотушке (в тех случаях, когда не берется для нее волчья лапа) привязывается волчий коготь [Поппе]. По представлению всех этих племен, у колотушки есть свой хозяин: *иччи* — у якутов [Пекарский, Васильев 1910, I: 115], *ēzi* или *īzi* (*орбаның ēzi*) — у алтайцев, телеутов, шорцев и сагайцев⁶³. Причем у шорцев шаман спустя определенный срок после начала камлания видит хозяина колотушки в виде зайца. (Надо заметить, что на обтягивание колотушки они берут заячью шкурку.) У минусинских турок заяц считается покровителем колотушки [Катанов 1890, II: 31]. Соответственно тому, что бубен считается верховым животным (л. 48) шамана, колотушка осмысливается как плетъ, кнут, которым шаман погоняет коня (бубен) во время странствований в потустороннем мире [Анохин 1924: 62 (алтайцы); Катанов 1890: 239 (минусинские турки); Яковлев 1902: 105 (сойоты); Припузов 1884: 65 (якуты); Васильев 1910б: 47; Серошевский 1896: 635; Приклонский 1891: 100; Потанина 1895: 13 (буряты); Васильев 1910: 76 (карагасы); шорцы, сагайцы]. Колотушка играет большую роль и в процессе гадания.

Трещотки. Бубны алтайско-минусинских турок представляют собою как бы синтез бубна, состоящего лишь из ободка и кожи, какой встречается в шаманстве турецких племен Туркестана, и рукоятки, повторяющей форму трещотки. Трещотка, как самостоятельный атрибут шамана, может быть отмечена не только в пережитках шаманского ритуала в Туркестане, но и в шаманстве турецких племен Сибири. В Туркестане трещотки известны вплоть до восточных его окраин. Они представляют собой одну или две палочки с прикрепленными к ним металлическими кольцами (МАЭ, колл. № 1676-6; РЭМ, колл. № 16-178, 179)⁶⁴. Трещотки турецкого шамана Сибири могут быть названы, в противоположность туркестанским, ударяемыми, так как шаман ударяет по ним ударной палочкой или колотушкой. Трещотки этого типа могут считаться атрибутами шамана, вполне заменяющими бубен и не менее древними, чем этот последний. Согласно легенде (л. 49) шорцев, первый шаман качал шаманить, ударяя двумя палочками друг о друга [Клеменц 1890: 36.]. Путешественники XVIII в. отмечали существование трещотки в турецко-монгольском шаманстве. Так, о минусинских турках Паллас пишет: «Вместо бубна он (качинский шаман) в руках держал дерево, посередине круглое, а по концам лопатками, как весла, к коим обоим привешены были колокольчики. По сему дереву он бил палкою весьма искусно, то по одному, то по другому концу. И кызыльские шаманы обязаны также шаманить; после такого дерева духи позволяют им

⁶³ У шорцев хозяин колотушки иногда мужчина *сарыг-кан* — рыжий царь, иногда — женщина *сарыг-кыс*.

⁶⁴ Одна из этих трещоток сделана из рога козули. О шестах, увешенных сверху кольцами у дудана, сообщает [Понанин 1881: 88]

употреблять бубен, или, лучше сказать, пока они не разбогатеют, чтобы мочь, убив лошадь, обтянуть его ее кожей, ибо для сделания бубна неотменно потребно принести в жертву лошадь» [Паллас 1809: 563]. Про бурят сообщает Георги: «Многие шаманы не имеют ни платья, ни бубнов, употребляют волшебную палочку» [Георги 1799: 36].

Трещотки встречаются до наших дней у Минусинских турок (кызыльцев) наряду с бубнами. У кызыльцев трещотки имеют вид плоской палки, суживающейся посередине для охвата руки. На железный прут в верхней его части нанизаны кольца. Нижний конец ее носит следы ударов колотушки. По форме эта трещотка повторяет до некоторой степени рукоятку бубна (МАЭ, колл. № 2056-2, длина 56 см). Рисунок сагайского шамана дает представление о способе употребления такой трещотки⁶⁵. У чулымских турок (мелецких) трещоткой служит укороченная колодочка из березы продолговато-овальной формы (л. 50) с боковыми вырезами посередине, сделанными для того, чтобы удобнее было держать в руке. В верхнюю ее половину вбивается железная дужка с продетыми сквозь нее кольцами. Необходимым дополнением к ней служит березовая веслообразная колотушка (РЭМ, колл. № 1072-1, длина 24 см; 1072-3, колотушка, длина 20 см)⁶⁶. Другой тип трещотки (у кызыльцев) представляет собой деревянную палку с прикрепленной железной скобой с кольцами. Такая же палка заканчивается в верхней части изображением головы лошади. Шаман садится на нее верхом и ударяет по палке деревянной колотушкой, как по бубну (МАЭ, колл. № 1833-6, длина 61 см). Изображение головы лошади, несомненно, есть стилизованный конь и имеет в основе своей представление о палке как коне шамана, что роднит этот тип трещотки с конными тростями бурятского шамана. Сходство это усугубляется еще и тем, что бурятский шаман во время камлания ударяет тростями друг о друга.

Яковлев дает описание перекладки бубна — *«туда»* — из коллекции Минусинского государственного музея. Такая перекладина, по его словам, заменяет у некоторых шаманов сам бубен [Яковлев 1900: 55 (№ 49, 50)]. На подобные рукоятки, найденные вместе с остатками шаманского костюма в пещере около села Тесинского, обратил внимание и Клеменц [Клеменц 1890, 1: 33–34, табл. 9]. По рисункам, данным Клеменцом, можно установить 2 типа этих рукояток. Оба они соответствуют рукояткам нынешних бубнов качинцев и сагайцев: одна рукоятка суживается в средней части, на месте обхвата руки, другая — в этом месте имеет два продольных отверстия для той же цели. Интересно, что рукоятки орнаментированы. Рисунки: дерево, упирающееся в солнце, олени, люди (духи) на конях, лягушка, рыбы

⁶⁵ Рисунок, привезенный студентом геофака ЛГУ Серебряковым.

⁶⁶ [А также] коллекция кабинета турецкого цикла этноотделения геофака ЛГУ, привезена студ. Н. Кусковым.

и змеи — аналогичны изображениям на коже бубнов. Оба упомянутых автора считают эти перекладыны рукоятками от исчезнувших бубнов. Возможно, однако, предполагать, что шаман ударял по ним вместо бубна. Тем более что в некоторых случаях, по словам Яковлева, такие перекладыны заменили бубен. (л. 51)

Алтайский шаман до получения бубна камлает иногда также с ударной трещоткой. Среди атрибутов якутского шамана отмечены палки: конец одной вырезан в форме коня, другой — в виде головы собаки (МАЭ, колл. № 2666-449, 2666-448)⁶⁷. Палку, какая попадает в руки якутского шамана, употребляет при камлании в том случае, когда у него нет бубна [Приклонский 1886: 33]. Наконец, можно указать на единственную непарную конную трость якутов из коллекции Миддендорфа в МАЭ Академии наук, повторяющую по форме бурятские конные трости (МАЭ, колл. № 701-47).

Конные трости. Конные трости шамана наиболее характерны для бурятского шаманства⁶⁸. Предварительно необходимо заметить, что помимо так называемых конных тростей, получаемых шаманом не сразу после получения шаманского дара, а лишь после нескольких предварительных посвящений, бурятский шаман имеет еще так называемые «пешие трости», а в некоторых случаях, не ранее четвертого посвящения, получает еще и антропоморфные трости [Петри 1928b: 66]. Пешие трости вырезаются из дерева. Они не имеют существенного значения. По мнению бурят, шаман, опираясь на них во время камлания, будто бы путешествует в стране духов. Шаманы, обладающие такими тростями, называются пешими. Они не могут совершать больших камланий [Санджиев, рукопись]⁶⁹. Конные трости, парные деревянные или железные, являются в настоящее время основными атрибутами бурятского шамана, необходимыми для выполнения большинства обрядов (рис. 13). Они заменяют всецело бубен. На (л. 52) второстепенное значение бубна в бурятском шаманстве указывал еще Паллас. Шаманка во время камлания, описание

⁶⁷ Параллельно этому можно заметить, что встречаются единичные шаманские трости бурят с изображением головы быка, что зависит, по объяснению шамана, от наличия у 2-х *утха* (т.е. родовых шаманских даров) [Санджиев, рукопись].

⁶⁸ Конные и пешие трости известны у тунгусов Забайкальской области (МАЭ, 1869-12а), причем, по сообщению Широкогогорова, эти трости могут изображать как ноги лошади, так и ноги изюбра. Так как у тунгусов конные трости отмечены для Забайкальской области, в районе, соседнем с бурятами, можно считать их перешедшими к тунгусам от скотоводческих племен (хозяйственному быту тунгусов более свойственно представление о трости как изюбре), тем более что представления о белых жеребцах в культе тунгусов Широкогогоров считает заимствованными от нетунгусских народностей. Надо думать, эти представления перешли от якутов, в культе которых большую роль играет лошадь, или от бурят.

⁶⁹ Трости вообще в виде посоха имеют широкое распространение в пережитках шаманства в Туркестане и у киргизов (РЭМ, колл. № 1062-112).

Рис. 13. Колотушка к бубну. Якуты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 3522-257)

которого он приводит, держала в руках конные трости, а сопровождающие ее муж и двое посторонних бурят ударяли в маленький бубен [Pallas 1776: 102–103; — название в тексте оригинала; Czaplica 1914: 222]. Две палицы длиною в 3 фута, обвешанные идолами, которые употребляли вместо бубнов буряты, отмечал Георги [Георги 1799: 100; 3: 16]. В настоящее время бубен у бурят необязателен при камлании и крайне редок [Агапитов, Хангалов 1883: 42].

Конные трости (*морин хорьбо*)^{xxxv} представляли собой палку, верхний конец которой вырезан в виде головы лошади⁷⁰, нижний — в виде копыта. Для полного сходства с лошастью на палке отмечена штрихами грива лошади и изгиб колена и подвешены маленькие железные стремена и удила [Агапитов, Хангалов 1883: 42; Clementz 1910: 16; Czaplica 1914: 224; Петри 1928b: 60; Потанина 1895: 15]⁷¹. Необходимо заметить, что одна из тростей делается немного длиннее другой [Агапитов, Хангалов 1883: 42], это дает некоторую возможность предполагать, что одна из этих тростей была ударной, а другая — ударяемой. Как было отмечено выше, шаманы во время камлания, помимо размахивания и потрясания тростями, ударяют ими друг о друга. К тростям, подобно как к бубну, навешиваются шкурки животных, ленты, железные привески и колокольцы. Трость, снабженная большим колокольцем, называется *хэсэ* — бубен, так как она заменяет, по мнению бурят, этот последний [Агапитов, Хангалов 1883: 42]⁷².

Железные трости изготавливаются кузнецами, имеющими «сильное кузнечное происхождение», т.е. числящими в своем родословии ряд знаменитых кузнецов [Петри 1928b: 68] (рис. 14). Деревянные трости делает (л. 53) какой-нибудь старик (обычно из рода шамана) из березы, выросшей в «шаманской роще», т.е. в роще, в которой хоронят шаманов. Береза,

⁷⁰ Правый жезл длиннее левого. На некоторых жезлах головы не вырезаются [Михайлов 1916].

⁷¹ МАЭ, колл. № 1850-31 (1859-12 — верхний конец палки не вырезан искусственно, а имеет естественную форму сучка).

⁷² Термином *хэсэ* буряты называют не только бубен, но и колокол, заменяющий бубен при многих камланиях.

Рис. 14. Деревянная конная трость. Якуты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 1953-1)

которая берется для тростей, должна быть здоровой и прямой. Бруски вырезаются изнутри ствола «со стороны солнца», т.е. с восхода, осторожно, чтобы не повредить дерево. Обычно эту березу, после того как из нее вырежут бруски для тростей, чтобы она продолжала расти, тщательно завертывают корой, так как в противном случае трости не будут иметь живой силы. Засыхание дерева считается также дурным предзнаменованием и для самого шамана [Агапитов, Хангалов 1883: 42, 48; Szaplicsa 1914: 224; Михайлов 1916 (?); Петри: опись колл. МАЭ, № 2016-2]. Местонахождение березы, предназначенной для тростей, дух предка указывает во время предварительного камлания посвящаемому шаману. Последний сообщает указания духа своим сородичам. Те отправляются в шаманскую рощу и, прежде чем срубить дерево, совершают около него жертвоприношение.

В связи с осмыслением тростей как духов-коней шамана, которые везут его, сменяя друг друга, в мир духов [Петри 1928b: 66], на которых он летает к небесным и земным заянам [Clementz 1910: 16], совершается при получении новых тростей обряд «оживления их» (*амилха*) [Агапитов, Хангалов 1883: 49], аналогичный обряду «оживления бубна» у турецко-монгольских племен вообще. Осмысление тростей как духов — коней шамана тесно увязывается со значением и ролью лошади в экономике и культе монгольско-турецких скотоводческих племен. Подобно тому как в фольклоре этих племен каждый богатырь имеет своего коня, который во многих случаях рождается одновременно с ним, или прибегает к богатырю неизвестно откуда и умирает вместе с хозяином, который служит богатырю для его чудесных подвигов и далеких путешествий, от жизни которого иногда зависит и жизнь богатыря и от особенностей и масти которого богатырь получает свое прозвище, шаман — вечный странник по миру духов — вполне естественно, в представлении этих племен, должен иметь особого, чудесного, невидимого для посторонних коня, на котором он совершает несравненно более далекие и опасные путешествия в потусторонние миры. Но этот чудесный конь получается шаманом от духов верхнего мира, он мыслится сам небесного происхождения и способен носить шамана, точно птица, в надземный мир духов. Этого-то незримого коня

Рис. 15. Железная конная трость. Буряты, конец XIX в. (МАЭ, колл. 2016-21а)

и стремится вселить шаман как в свой бубен, так и в конские трости. С жизнью этого коня связана жизнь шамана. Вот почему, как мы видели, поломка (л. 54) бубна и тростей считается опасной для жизни самого шамана. В оживлении бубна и тростей шаман наглядно оживляет именно этого коня.

Как было уже отмечено, конные трости могут считаться характерными для бурятского шаманства. Кроме бурят, мы могли указать на единственную непарную конную трость якутов (рис. 15). В настоящее время ни граненной трости, ни палки, представляющей собой стилизацию лошади, у якутов не встречается. Но осмысление коня переносится у них и на другие предметы, употребляемые шаманом во время камлания: на палку [Васильев, Пекарский 1910: 114], на березу или талину с подвязанным к ним конским хвостом [Припузов 1884: 65; Куликовский 1923: 62; Виташевский 1918: 172; Попов 1886: 186; Сорошевский 1896: 135], на один конский хвост [Георги 1799: 109–110; Беляев-Сергеев 1907: 199; Васильев, Пекарский 1910, I: 114] или на веревочку из шерсти [Виташевский 1914: 50; Припузов 1884: 45–46]⁷³.

⁷³ «Шаман поет, прыгая и помахивая веревочкой, которая служит ему конем: “В страну моего солнца, не имея бубна, при помощи простой веревочки еду с какими трудностями, если бы у меня бы бубен, я бы скорее ехал”» [Припузов 1884: 45–46] У кызыльцев, как мы видели выше, верхний конец трещотки вырезан в форме головы лошади, а при камлании, отправляясь созывать духов, шаман садился на нее верхом. У алтайцев палка фаллического культа при камлании Кочуған-кану в некоторых случаях называется конем [Потанин 1883: 54], и шаман, камлая с ними, подражает последнему ржанием. Интересно отметить, что киргизские бакши имеют обыкновение во время камлания, выбегать на улицу, вскакивать на первую попавшую лошадь и гнаться за злым духом [Михайловский 1892: 83; Ястребов 1851: 308]. То же самое говорит Костров для Минусинского края: «Шаман выбежал, сел на коня, въехал с ним вместе в избу и начал скакать» [Костров 1868: 7].

Ветвь дерева. Ветка, которую держит в руках шаман во время камлания и которая заменяет в этом случае бубен, должна быть березовая. Реже березу заменяет ветка талины (у якутов). В большинстве случаев березка должна быть 9-, 7- или 3-ветвистая, или же на ветке зарубают нечетное число надрезов, имеющих аналогию в отмеченных ступенях той березы, по которой шаман совершает восхождение на небо и которая обычно ставится при обряде посвящения шамана. К ветке же привязываются пучки конского волоса, обычно нечетное число, шкурки зверей, ленты. Такая ветка готовится или на одно камлание, срывается от березы и после камлания выбрасывается здесь же, около дерева, или оставляется и хранится в юрте до следующего камлания, становясь, таким образом, более постоянным атрибутом (л. 55), и с другой стороны, утрачиваются характерные особенности ветви — переходит в сучкообразную палку, сохраняя, однако, нечетное число надрезов на ней.

Якутский шаман, не приобретший еще бубна, камлает, держа в руках 3-, 7-, 9-ветвистую березку, украшенную пучками конских волос [Попов 2006: 80]. При посвящении якутского шамана ему давали талину, увешенную конской гривой [Припузов 1884: 65]. Белый шаман камлает, держа в руках палку, перевязанную в 7 местах конским волосом [Куликовский 1923, I: 62]. При камлании над больным шаман размахивает магическим прутиком с привязанными к нему кистями конской гривы [Мерк 1806: 127]. Такая березка или талина *чалбыр* якутов иногда очищается от боковых ветвей, кора на ней срезается кольцеобразно, и к ней привязывается по 9 пучков конского волоса в 3 или 7 местах [Виташевский 1918: 172], или же к естественной ветке березы недалеко от ее верхнего конца прикрепляются 3 кисти конского волоса [Виташевский 1918: 172; Серошевский 1896: 635]. Качинский шаман может совершать камлание, держа в руках березовую ветвь, увешанную лоскутками материи (РЭМ, колл. № 1277-26) [Георги 1799: 109]. С такой веткой кызыльский шаман совершает кропление духам — *түс'ам* (РЭМ, колл. № 2538-37). Сагайский шаман, совершая камлания без бубна, держит в руках березовую ветвь [Катанов 1897а: 31]. При жертвоприношении горам (*таҕыҕ*) к ветке привязывается хвост выдры. Шорские и кумандинские шаманы камлают с березовым прутиком, иногда даже целой метелкой березовых веток (МАЭ, колл. № 2334-162, кумандинцы с р. Бии). Алтайский шаман во время жертвоприношения Ульгеню машет березовой веткой над лошастью [Вербицкий 1893: 66; Попов 1890; Мако 1893: 87–98]. Бурятские шаманы (л. 56) в настоящее время не совершают камлания с веткой, но Георги сообщает в главе о языческом законе, что бурятские шаманы при молении повертывали небольшой значок, состоящий из лиственной коры и тряпочки [Георги 1799: 100]. При посвящении шамана у бурят 9 сыновей шамана (т.е. выбранные молодые люди, помогающие при камлании) держат в руках березовые ветви со звериными

шкурами [Агапитов, Хангалов 1883: 44, 48]⁷⁴. У сойотов развилистая палочка, увешенная лентами и металлическими привесками, употребляемая шаманом для камланий до приобретения бубна, имеет характерные поясовидные вырезы (МАЭ, колл. № 1340-28). На деревянных тростях — березовых палках, заменяющих для начинающего шамана бубен, сделаны надрезы в 3-х местах на одной и 9-ти — на другой. Одна из тростей заканчивается сверху 3-мя вилообразными сучками, другая — 6-ю зубцами (РЭМ, колл. № 650-71, 72). Суковатая палка туркестанских дервишей с привязанными к ней волосами яка и лентами повторяет сучок дерева (РЭМ, колл. № 16-175).

Только что перечисленные атрибуты шамана, заменяющие при многих камланиях бубен, ясно указывают на то, что бубен не всегда обязателен для шамана. В дополнение к вышеуказанному можно отметить, что часто шаман турецких племен алтайско-саянского нагорья совершает камлание, имея в руках лишь кожаную рукавицу, которой он размахивает и ударяет о свою руку, или же шаман изготовляет колотушку из травы и ею ударяет по руке [Каншин 1898: 315].

Ложка. Помимо указанных атрибутов, шаман турецко-монгольских племен совершает моление, держа в руках деревянные ложечки [Малов 1909а: 2, чулымские татары; Виташевский 1918: 36 (якуты; РЭМ, колл. № 650-27, сойты; Малов 1914: 63 (желтые уйгуры)]. (л. 57) У желтых уйгуров такая ложечка — *чок-кааздык* — считается необходимой принадлежностью шамана и имеет на черенке надрезы, количество которых зависит от ранга тех духов, для кропления которых она предназначена [Малов 1914: 63 (желтые уйгуры)]⁷⁵. У сойотов черенки таких ложечек, помимо надрезов, богато орнаментированы. Непосредственная цель ложечек, при помощи которых совершают кропление духам, несомненно, заключается в кормлении духов. Прототипом их можно считать те берестяные ложки, приготавливаемые на месте моления и часто сразу же после этого моления бросаемые, при помощи которых не только шаманы, но обычные люди (не шаманы) угощают своих духов⁷⁶. Надрезы на черенках делаются по числу небесных слоев (рис. 16).

При некоторых камланиях, по преимуществу при обрядах изгнания злых духов, связанных в большинстве случаев с лечением больного, шаманы держат в руках плетъ или меч. С плетью совершают обряд киргизские и казакские бакши [Алекторов 1900: 35], шаманы турецкого населения Восточного Туркестана [Малов 1918: 11], якуты [Серошевский 1896: 635],

⁷⁴ Надо заметить, что на ящике, в котором хранятся атрибуты бурятского шамана, изображена человеческая фигура, ухватившаяся рукой за дерево.

⁷⁵ Аналогично надрезам на ветвях березы — надрезам, повторяющим число слоев неба, на которых обитают духи.

⁷⁶ Алтайцы, телеуты, шорцы, сагайцы, сойты.

Рис. 16. Жертвоприношение небесным духам. Шорцы, 20–30-е гг. XX в.
Фото автора (АМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 207)

буряты (МАЭ, колл. № 1953-3-11)⁷⁷. Как было уже указано, колотушка от бубна часто осмысливается как плеть — бич шамана, которым он погоняет своего коня — бубен.

Для устрашения и изгнания злых духов и для защиты шамана от нападения этих духов во время его странствий в потустороннем мире, помимо плетей, шаманы употребляют и мечи⁷⁸. У турецких племен Восточного Туркестана шаманский меч между лезвием и деревянной ручкой имеет железные кольца. Он служит одновременно и трещоткой [Малов 1918: 7]. (л. 58)

Киргизские и казакские бакши сменили в настоящее время барабаны-бубны на кобыс. Кобыс у них так же, как и бубен, считается инструментом, имеющим волшебную силу, иногда даже одухотворенным [Кастанье 1913, 3: 18]. «При игре на нем легко петь, — пишет Александров, — он же изо-

⁷⁷ Бурятский шаман получает бич из кожи при первом посвящении. Шаманы, получившие такие бичи, называются «бичевые шаманы» [Санджиев, рукопись; Клеменц, Хангалов 1910: 134].

⁷⁸ Сойоты (РЭМ, колл. № 638-12). У бурят [Петри 1928: 69].

бражает оружие для поражения враждебных сил». «Мой кобыс играет счастливо, — говорит казакский баксы, — джины — мои духи — повинуются мне, когда я зазываю их, играю на кобысе» [Алекторов 1900: 31–33].

Кобыс [Радлов 1893–1911, т. II: 660, 676; Вербицкий 1884: 141] — музыкальный инструмент, по форме своей основной части весьма похож на обыкновенную круглую, выдолбленную из цельного куска чашу диаметром приблизительно 5–6 вершков, глубиной 3 вершка. Он[а] имеет с одного края выступ (около 2 вершков), который служит для прикрепления 2–3 струн. При игре зажимается для устойчивости коленями играющего. К верхнему краю кобыза прикреплена довольно широкая ручка (гриф), оканчивающаяся большей частью <ромбовидным навершием> с 2–3 колками, которое часто бывает украшен узором. На кобызе играют смычком. Струны и смычок делают из конского волоса [Кастанье 1913: 82; Диваев 1896: 4; Даваев 1907: 123; Даулбаев 1881: 109; Рыбаков 1897, 2: 205; Миропиев 1888: 46]. По словам Александрова, струны делаются из бараньих и козлиных кишок [Александров 1894: № 36].

Особый музыкальный инструмент, издающий слабый дребезжащий звук, употребляется при камлании сойотов и бурят, кумандинцев и якутов [Михайловский 1892: 69; Трощанский 1903: 129–130; Потанин 1883, IV: 52]. Последний, в противоположность доминирующему значению кобыса в шаманстве киргизов, имеет крайне ограниченное применение в культе всех этих племен. (л. 59)

Бубен не является принадлежностью исключительно турецко-монгольского шамана, он свойствен всему евразийскому шаманству⁷⁹ и распространяется до северо-восточной окарины Сибири, где отсутствует шаманское облачение, а атрибуты шамана отличаются примитивностью. Наличие бубна у сибирских шаманов и трещотки американских *medecin-men* дало повод некоторым исследователям разграничить Сибирское и Американское шаманство. Так, Oscar Peschel пишет: «Der einzige Unterschied zwischen dem Siberischen Schamanen und dem Nordamerikanischen Medezin-mann besteht nur darin, dass der ersbe sich bei seinem Handwerk einer Zaubertrommel, der andere einer Zauberklopfer bedient» [Peschel 1885: 278]^{xxxvi}.

Но, как мы видели выше, сибирские и туркестанские шаманы пользуются трещотками (частью ударными), а американский *medecin-men* наряду

⁷⁹ В настоящее время бубен исчез у лапарей. О существовании орнаментированных бубнов в недавнем прошлом хорошо известно [Харузин 1889: 47–57; Георги 1799: 12; Renterskiola 1910: 17, 26; Kaarle 1906, VI: 155; Holmberg 1922: 287, nf. XXXVII; Weinitz 1910: 1]. Бубен (МАЭ колл. № 343-92), о котором упоминает Dr. Weinitz, числится по описям как лапарский, но вызывает некоторые сомнения: его форма, а главная разрисовка тождественна с разрисовкой бубнов Забайкальских ороchon (МАЭ, колл. № 1879-22/46).

с трещоткой, правда гораздо реже, употребляет и бубен [Ратнер-Штернберг 1927, 6: 113; Вениаминов 1888: 593; Анатолий, архим. 1906: 137].

Бубен же известен и в практике шаманства других континентов. Но, несомненно, наиболее распространен бубен в сибирском шаманстве. По удачному, хотя и не совсем точному, выражению Чаплицкой, там, где мы находим в Сибири шамана, мы будем иметь бубен [Czaplicka 1914: 213]. Несмотря, однако, на доминирующее значение бубна в практике шаманства сибирских племен, бубен не связан с шаманством как таковым: многие камлания шаман может совершать без бубна; бубен шаман получает не сразу после получения дара; есть шаманы, которые всю свою жизнь не имеют бубна и камлают без него; бубен может быть заменяем другими (л. 60) атрибутами. Все это говорит за то, что атрибуты шамана, в том числе и бубен, могли появиться постепенно, в процессе превращения шамана в профессионала, и получили существенное значение как средства вызывания истинного экстаза, заменившего непосредственный экстаз.

В звоне, шуме бубна и его подвесок непосвященные усматривали силу шамана, с одной стороны, и знаки присутствия спускающихся к шаману духов — с другой. Таким образом, бубен с его подвесками, как и все атрибуты, служил могучим воздействием шамана на окружающих. Высказывалось даже положение, что развитие переферналий шамана обратно пропорционально развитию роли шамана вообще, т.е. шаман пытался возместить внешней обрядностью, сложными атрибутами упадок своего значения и авторитета. Бубен не связан с отдельным шаманом. Правда в настоящее время у большинства сибирских племен бубен является индивидуальной собственностью шамана (после его смерти обычно уничтожается), но можно думать, что первично он принадлежал не отдельному шаману, а целой родственной группе, и ударять в такой бубен мог каждый желающий.

У чукчей каждая семья имеет один и несколько бубнов, упражнения на которых во время празднеств обязательны для всей семьи, мужчин и женщин. Особого бубна у чукчей нет, и шаманы употребляют для своих заклинаний свой обыкновенно семейный бубен [Jochelson 1905, 6: 48]. У коряков шаманы не имеют собственного бубна и употребляют бубен, принадлежащий той семье, в которой они совершают камлание. У лопарей каждая семья имела свой волшебный бубен [Харузин 1889: 47]. У удэхе и орочей в каждой семье есть бубен, и все умеют в него ударять — камлать [Арсеньев 1916: 335–339]. Массовые попытки приводить себя в экстаз при помощи ударов в бубен ярко выявлены у чукчей. Во время сезона больших церемоний, пишет (л. 61) Богораз, не меньше 10 бубнов одновременно звучат в одной и той же палатке [Bogoraz 1907: 358]. Пережитки общей принадлежности бубна отмечались в группе турецко-моногольской: в обряде общего пользования бубном до «оживления» бубна; в наличии не-

скольких бубнов у одного шамана; в обычае, допускающем ударять в бубен, помимо шамана или вместо него, родственников или присутствующих при камлании. Последнее аналогично шаманской практике удехэ или тлинкитов, где в бубен ударяет обычно не шаман, а присутствующие [Ратнер-Штернберг 1927: 113, 108, 86].

Трещотки и ударные инструменты, потеряв свое значение в быту, надолго задерживаются в культе — как любимые, привычные и удобные духам. Бубен в сибирском и туркестанском шаманстве сохраняет такое двойственное значение — предмета культа и музыкального инструмента. Такая двойственность особенно выявлена в шаманстве северо-восточной Азии. В долгие зимние вечера чукчи прибегают к бубну для развлечения [Богораз 1901: 51–52]. В Туркестане у киргизов бубен употребляют как при развлечениях, так и при камланиях. В некоторых случаях более усовершенствованные музыкальные инструменты (кобыс и домбра) вытесняют ударные не только в быту, но и в культе (казаки, киргизы). Нет надобности останавливаться на несомненном влиянии музыки на религию и религиозную практику [Frazer 1907: 46–47]. По представлению всех рассматриваемых нами племен, игра на бубнах и кобысе также может развлекать духов, как она развлекает и людей⁸⁰. (л. 62) Но одновременно, как мы упоминали выше, удары в бубен и гром погремушек используются шаманом как терроризирующие средства против духов⁸¹.

В отношении осмысления бубна, которое является, несомненно, позднейшим, равно как и для широкого понимания шамана, выявляемое в разрисовке бубна⁸², необходимо учесть, с одной стороны, значение рукоятки (в тех бубнах, в которых таковая имеется), связанное с ролью дерева (чаще всего березы) в культе этих племен, с другой стороны — значение натянутой шкуры, связанной с ролью того или другого животного в культе. Наиболее раннее осмысление бубна как птицы имеет свои глубокие корни в шаманстве: в роли птицы — как первого шамана, учи-

⁸⁰ В Восточном Туркестане шаманские церемонии называются *ојун*, что значит игра, забава. Во время моления бывает музыка, танцы и пение, в стихах, которые поют под аккомпанемент при шаманском молении певцы, есть припев: «О, пери, веселись, забавляйся, играй» [Малов 1918: 5]. У якутов шаман называется *ојун*, что значит «игрок» [Ионов 1918: 160].

⁸¹ При изгнании духов приходится их запугивать необыкновенным шумом, т.е. терроризирующими средствами. Отсюда необходимость для бесонизгонятиля бить в бубен, греметь побрякушками, вопить не своим голосом, приводить себя в иступленное состояние [Штернберг 1905: 69–70].

⁸² Разрисовку имеют, помимо алтайско-минусинских бубнов, бубны енисейско-остяцкие [Анучин 1914]; остяко-самоедские (бубен, привезенный стар. асс. геофака Г.Н. Прокофьевым, 1928); забайкальские тунгусы (колл. МАЭ, № 1879-22); лапарские [Георги 1799: 13; Харузин 1889: 12; Renterskiola 1910: 17, 26; Krohn 1906: 155; Holmberg 1922: 287, nf. XXXVII; Weinitz 1910: 1].

теля шаманов, воспитателя духа шаманов и т.д., с одной стороны, и в представлении о полетах шамана в надземный, невидимый мир небесных духов — с другой.

Переходя к рассмотрению типов бубнов у сибирских племен, нам придется коснуться мнения Широкогогорова о том, что величина и сложность конструкции бубнов убывает в Сибири по направлению с запада на восток и с юга на север. Центр распространения бубнов он усматривает где-то около Байкала [Mironov, Shirokogoroff 1924: 126]. Данная им общая схема не может быть обоснована уже потому, что наиболее простой тип бубна отмечен, с одной стороны, на северо-востоке Азии (чукчи, коряки) и на северо-западе Америки (эскимосы), с другой — в пережиточных формах шаманства Туркестана. Сложные по конструкции бубны употребляются одновременно в группе алтайско-саянских турок, енисейско-остяками, остяко-самоедами и лопарями. Величина бубнов (размер), (л. 63) а в большинстве случаев и форма бубна (овальная или круглая) не могут служить надежным критерием⁸³. Если действительно бубны крайнего северо-востока Азии не значительные по своим размерам, то бубны, например, негидальцев поражают своей величиной [Шимкевич 1896: табл. 1]. Надо заметить, что размеры бубнов значительно колеблются в пределах даже одной народности и даже у одного шамана в различные периоды его жизни.

Отчетливый ряд усложнения бубна представил в своей работе Иохельсон, ограничиваясь, однако, по преимуществу районом северо-востока Азии [Jochelson 1905: 55–57]. Некоторую попытку классификации сибирских бубнов дает Побгорбунский, пытаясь сделать увязку с данными археологии [Подгорбунский 1916: 30–32].

Г.Н. Потанин пытался усматривать в рукоятках бубна сибирских племен крестообразную фигуру и старался дать ей обоснование в фольклоре Сибири о распятом божестве, в частности медведе [Потанин 1893а: 18–20]. Его положение и сравнения крайне натянуты и малообоснованны. Действительно, форма рукояток часто повторяет фигуру креста, плотно или подвижно соединенного с ободом бубна, но помимо крестообразных рукояток известного соединения в форме круга не менее распространены и палкообразные рукоятки. Только анализируя внутреннюю сторону бубнов — его рукоятки или соединения, можно сделать попытку дать некоторые последовательные ряды сибирских бубнов. Подход к изучению бубна Сибири может быть дан со стороны палки-древка, с одной стороны, и бубна, состоящего из простого обода, обтянутого кожей, — с другой. Синтез этих двух элементов дает наиболее сложные типы бубнов.

⁸³ Такое разделение сибирских бубнов на 2 типа делает в своей работе Dr. G. Nioradze [Nioradze 1925: 79].

Рис. 17. Шаманский музыкальный инструмент (трещотка).
Американские индейцы, XIX в. (МАЭ, колл. 211-10/2)

Рис. 18. Шаманский музыкальный инструмент (погремушка). Алеуты, XIX в.
(МАЭ, колл. 2867-35)

Говоря о трещотке сибирских племен, можно указать, что хотя она имеет несравненно меньшее распространение по сравнению с Америкой, тем не менее древность ее для Сибири несомненна, за это говорит и простота ее конструкции: она представляет собой обычную палку с кольцами, ударяемую другой палкою. В противоположность Америке, сибирская трещотка в большинстве случаев ударяемая. В североамериканском шаманстве отмечены (л. 64) два основных типа трещоток: погремушки в виде палочек и погремушки в виде кружка из деревянных ободков с двумя перекрещивающимися в центре перекладинами и подвесными птичьими клювами (МАЭ, колл. № 211-10/2, тлинкиты; № 2867-35, алеуты) [Ратнер-Штернберг 1927, 6: 112] (рис. 17, 18). Параллели той и другой формы могут

быть усмотрены в типах бубнов сибирских племен: например, минусинско-шорские с палкообразной ручкой и енисейско-остяцкие (МАЭ, колл. № 1048-57) [Holmberg 1922: 19] и остяко-самоедские⁸⁴, внутренняя сторона которых, хотя и имеет основную деревянную вертикальную рукоятку, по принципу устройства и расположению металлических пересекающихся прутьев и подвесок повторяет американскую трещотку в виде круга. Костяные части американских трещоток заменены в сибирских бубнах железными привесками. Аналогию алеутской трещотке можно усмотреть в крестообразной, расположенной по диагонали рукоятке бубна остяков и самоедов (РЭМ, колл. № 1711-1).

Исходя при рассмотрении сибирских бубнов от палкообразной рукоятки, можно указать прежде всего бубен остяков, рукоятка которого в форме деревянной развилины подвижно соединена с остовом бубна (МАЭ, колл. № 2333-16, остяки с р. Казыма). Иногда рукоятку образует развилина с 3-мя естественными разветвлениями (РЭМ, колл. № 3950-96). У них же рукояткой может служить простая палка, один конец которой привязан к обечайке бубна, а противоположный конец проходит сквозь нее. Самоедский бубен дополнительно к вертикальной перекладине-палке, подвижно соединенной с остовом бубна, принимает боковую перекладину, напоминающую естественную развилину бубна остяков (МАЭ, колл. № 1139-28; самоедский бубен Тобольского музея [Потанин 1893а: 16]). Такая палка-рукоятка, подвижно связанная с бубном, дала впоследствии вертикальную рукоятку бубнов, плотно соединенную с остовом его (тип бубнов турецких племен Присяяня), с одной стороны, и палкообразные трещотки — с другой. В дальнейшем такая палкообразная рукоятка, удваиваясь, может дать (л. 65) рукоятку в форме двух перекрещивающихся палок, т.е. креста по диагонали на бубах самоедов-юраков и остяков (РЭМ, колл. № 1711-1). Она же может развиваться в крестовину бубна остяков, бурят-монголов. Палка-рукоятка, прикрепленная к обечайке бубна извне, даст бубны чукчей [Богораз 1901: табл. XVIII, рис. 8; Bogoraz 1901: 356] и эскимосов (МАЭ, колл. № 571-26, кадиаки) [Boas 1884–1885: 602] (рис. 19). Как на некоторую параллель типу бубна чукотско-коряцкого можно указать на трещотку Северной Америки в виде длинной палки-ручки с крошечным бубном на конце (МАЭ, колл. № 1333-9, алгонкины черноногие, Канада)⁸⁵ (рис. 20)

Бубен, наиболее простой по устройству, будет состоять лишь из обода и кожи. Постепенно он получает рукоятку. Прежде всего ее образуют натянутые во внутренней стороне бубна веревочки или ремни, при помощи

⁸⁴ Бубен остяко-самоедов повторяет тип енисейско-остяцкого бубна и отличается от бубнов остяков и самоедов. Такой же тип бубна — МАЭ, колл. № 2421-177, самоедо-остяки.

⁸⁵ Между стенок маленького бубна вложены зерна, для того чтобы трещотка производила шум.

Рис. 19. Бубен. Эскимосы острова Кадьяк, XIX в. (МАЭ, колл. 571-26 а)

Рис. 20. Шаманский музыкальный инструмент (погремушка).
Американские индейцы (черноногие Южной Альберты), XIX в. (МАЭ, колл. 1333-9)

которых его держит шаман коряков [Jochelson 1905: 55, рис. 19; Крашенинников 1819: 214; Шимкевич 1896: 12, рис. 2 — негидальцы, рис. 3 — гольды]⁸⁶, айнов (МАЭ, колл. № 700-25) и индейцев Северной Америки (МАЭ, колл. № 958-13, индейцы штата Монтана).

В дальнейшем рукоятка развивается, с одной стороны, в круг, с другой — в крест. Оба такие соединения дают сложные формы — рукоятку, заключающую в себе и крест, и круг.

⁸⁶ По описанию Шимкевича (бубны ороchon, маньчжур и негидальцев). У негидальцев на четырех осях эллипсоида бубна сделаны конусообразные удлинения наружу для принятия концов ремней, за которые держат бубен. У некоторых гольдских бубнов ручка изображает двуличего бурхана — *аями-тереса*. Бурхан, который способствует издаванию резких звонков, не ломая бубен.

Рис. 21. Бубен. Тунгусы, конец XIX в. (МАЭ, колл. 1524-209)

И) Соединение в сторону круга: 1) кожаный или ременный круг незначительной величины скрепляет в центре веревки ремни (гиляки) (МАЭ, колл. 202-7а, гиляки) [Штернберг 1908: 41, 35, 37; Иохельсон 1900: 115]⁸⁷, металлический круг подвешивается на четырех ремнях и служит их соединением. Ороحوны и тунгусы забайкальские — железный круг, сильно увеличенный и усложненный, прикрепляется на железных скобах к остову бубна (МАЭ, колл. № 2646-75, ороحوны; № 1765-230, гольды; № 36-231, гиляки; № 341-44, тунгусы; Шренк 1903: 121–125, таб. LXI, рис.). Подвижность, несравненно меньшая по сравнению (л. 66) с предыдущей формой соединения, все же сохраняется, круг комбинируется с крестом (МАЭ, колл. № 1524-209, тунгусы) (рис. 21).

II) Соединение образует крест: 1) кожаный или ременный крест, т.е. перекрещивания веревочек в центре бубна обшиваются кожей, — орочи приморские (РЭМ, колл. № 1995-5а, аналогичный бубен: МАЭ, колл. № 1899-1, орочи); 2) деревянный крест — иногда крест связывается ремнями из 2-х перекрещивающихся палочек, к концам которых и привязаны ремни бубна (МАЭ, колл. № 1053-3; № 334-80, тунгусы); 3) железный

⁸⁷ У юкагиров круг внутри бубна деревянный с крестом из оленьих жил.

крест — соединение повышено подвижно — тунгусы, долгано-якуты (МАЭ, колл. № 1070-2, долгано-якуты; ср. — якуты); 4) деревянный крест, получивший большие размеры, но соединенный с обечайкой, все еще подвижный при помощи ремней (МАЭ, колл. № 1864-1, остяки; ср. монголы остяки); 5) деревянный крест — рукоятка плотно соединена с обечайкой бубна (ср. бубны монголов и бурят, сойоты); 6) горизонтальная перекладина утончается, на ней появляются удлинённые железные скобы (сойоты); 7) вертикальная перекладина усложняется, а горизонтальная заменяется железной (бубны присаянских турков, например телеутов); 8) вертикальная рукоятка антропоморфизуется (алтайцы, монголы, сойоты); 9) рукоятка помимо формы креста, расположенного на вертикали и горизонтали бубна, образует крест, расположенный по диагонали бубна, прикрепленный подвижно к обечайке на ремнях, — остяки, или вплотную соединенный с нею — самоеды [Журавский 1909: 10, № 15]⁸⁸.

Подводя итоги нашей работы, мы должны отметить, что развитие бубна шло несколькими путями. В наиболее сложных бубнах Сибири может быть отмечен синтез трещотки и простого бубна, состоящего лишь из обечайки и натянутой кожи. (л. 67)

Примечания

ⁱ В настоящее время принято название «тюрко-монгольские народы».

ⁱⁱ Никаких точных данных о публикации этих записок нам не известно. По всей видимости, Н.П. Дыренкова пользовалась его полевыми материалами, написанными в форме «записок».

ⁱⁱⁱ В этой статье Н.П. Дыренкова ссылается на рукопись А.Л. Троицкой. Эту рукопись пока не удалось обнаружить, но ее основная часть была опубликована автором, поэтому ссылки даны на это издание.

^{iv} В настоящее время этот термин употребляется в варианте «ламаистский».

^v В подлиннике статьи ссылки даны на рукопись: А.А. Попов «Материалы по шаманству якутов Вилюйского округа» без указания страниц, в настоящем издании все ссылки соотнесены с опубликованной работой А.А. Попова под несколько измененным названием «Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа (тексты)» [Новосибирск 2006].

^{vi} И.Г. Георги имеет в виду тюркоязычное население Восточных Саян. Следует читать «саянские татары».

^{vii} Подзаголовки разделов статьи вынесены Н.Д. Дыренковой на поля страницы, в настоящей публикации они вставлены в текст.

^{viii} В словаре Пекарского *bütümäh* — шишки (угловатые выпуклости) на наружной стороне обечайки шаманского бубна.

^{ix} У Рассадина есть *habaq* — небольшой косогор, также бровь (анатом.). Возможно, здесь имеется в виду это слово [Рассадин 1995].

^x Под *дюгюрь* имеется в виду *džǰǰr* — *dǰǰǰr*: 1) шаманский бубен или барабан яйцевидной формы; 2) особого рода бубен, про который в якутских сказках

⁸⁸ На перекладинах рукоятки на старинных бубнах вырезались изображения духов.

говорится, что шаман бил в него металлическою лопаткою, перебирал в то же время пальцами натянутые на нем струны (Пекарский).

^{xi} Хылыс (Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005).

^{xii} Имеются в виду расширяющиеся концы рукоятки бубна.

^{xiii} Сунур — железяки на шаманском бубне, побрякушки (Вербицкий).

^{xiv} В тексте л. 16 пропущена сноска № 2 — «Колл. МАЭ, 2334-78, р. Томь».

^{xv} *Конара, хоңыро* — колокольчик, бубенец, ботало.

^{xvi} В современной орфографии — *хэнгэрэг* (БАМРС. М., 2002. С. 219).

^{xvii} На этой же странице есть другой вариант этой фразы: «Обусловлены различными хозяйственными формами (охота и скотоводство) и преобладанием того или другого животного в хозяйстве». Справа от этой фразы рукой неустановленного лица написано: «См. стр. 24».

^{xviii} На этой же странице есть уточнение: «Оленей у карагасов и сагайцев Тоджи, лошадей у других племен».

^{xix} По всей видимости, к слову *олень-самец* слева на полях рукописи дописано: «не дикий».

^{xx} Над этим предложением написана фраза: «Более ярко и отчетливо у турецко-монгольских племен». А в конце предложения есть вычеркнутая фраза: «ассимилировалась с туземными племенами и внесла в новую, порою непривычную среду особенности своего культа».

^{xxi} У А.А. Попова этот отрывок переведен несколько иначе: «...снабжая мягкими рассыпающимися конскими волосами, устраивая хвост из подвесок, делая бубном величиною с замерзшее круглое озеро, делая бойким конем, делая сильным животным, делая золотой папоротью, делая шумящим золотым крылом (обращаюсь): будь улетающим в Верхний мир сильным железным кругом (куһэнэ). Ты, отважный, будь звеня спускающимся вниз хорошим конем. ... Ты, отважный, снабжаясь девятью полыми выступами с неслабеющими затяжками из трех ремней, гудя, будучи шкурой трехтравной скотины, жужжа, будучи шкурой трехтравной скотины, мыча, будучи шкурой четырехтравной скотины, ускачи на одной ноге в обширную страну».

^{xxii} Далее вычеркнуто: «При обращении к нему шамана во время камлания».

^{xxiii} Далее вычеркнуто: «*түүрүзү парс тутчыткан*».

^{xxiv} Н.Д. Дыренкова имеет ввиду С.Е. Малова, который был редактором «Материалов по шаманству алтайцев» А.В. Анохина (1924).

^{xxv} На обороте страницы напечатан фрагмент статьи «Получение шаманского дара» [с. 276, 277]. Кардинальных несоответствий с оригиналом статьи нет.

^{xxvi} Название этой части работы было вычеркнуто и обведено карандашом. Однако название это было оставлено, поскольку дальнейший текст соответствует этому заглавию.

^{xxvii} В правке Н.П. Дыренковой стоит *Товн*.

^{xxviii} Далее вычеркнуто: «на небесном слое, ниже последнего».

^{xxix} После этого текста сноски Н.Д. Дыренковой неизвестной рукой подписано: «Приклонский. О шаманстве якутов. Изв. Вост.-Сиб. отд. XVII. К-ов. Природа и население Алтая. Томск. епарх. вед. 1890. С. 18–19». Здесь же есть и чернильная пометка Н.Д.: «Якуты. Колл. МАЭ №...».

^{xxx} В публикации говорится о жертвоприношении барана, но нет сведений об изготовлении бубна. Видимо, эти сведения не вошли в публикацию.

^{xxxі} Над этим словом написано: «Экстаз».

^{xxxіі} Далее вычеркнуто: «рукоятка ассоциируется с представлением о хозяине бубна».

^{xxxііі} Данное слово подчеркнуто. Возможно, оно имеет не прямое значение, а соответствует терминологии XIX в., когда «татарский» обозначал значительное количество народов Поволжья и Сибири.

^{xxxіv} В опубликованных работах данные сведения не обнаружены. Возможно, это было устное сообщение.

^{xxxv} Видимо, в названии бурятских шаманских «конных тростей» допущена опечатка, правильно — «морин хорьбо» (морин — *бур.* конь., хорьбо — *бур.* трость, посох. См.: Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1973.

^{xxxvi} «Единственное различие между сибирским шаманом и североамериканским целителем состоит в том, что первый в своей деятельности использует бубен, а второй — погремушку» (перевод И.А. Невской).

Архивная справка

Хранение: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 207 (123 л), 208 (133 л.), 209 (76 л.).

Состав: ед. хр. 207 — машинописный текст статьи (л. 1–67), фотографии и рисунки к статье (л. 68–123). Ед. хр. 208 — рисунки и фотографии к статье (л. 1–133 л.). Ед. хр. 209 — список литературы к статье и сокращений (л. 1–76), отсутствуют л. 19–23, 71–73 (по нумерации автора).

Описание: машинописный текст (формат А4) с авторской правкой, выполненной чернилами. Правка начинается с л. 20, л. 25, 26 дополнены рукописными вставками (вклейками). К тексту приложены два небольших рукописных текста на листах небольшого формата с авторской пометкой «к стр. 20, к стр. 56». В л. 45 вклеена фотография места погребения шамана — висящий на дереве бубен.

Датировка: 1928–1937 гг.

Состояние: листы пожелтели. Большинство фотографий имеет низкое качество.